Le-livre.com

JEAN ANOUILH

La Sauvage

suivi de

L'INVITATION AU CHATEAU

Дикарка
Жан Ануй

Жан Ануй. Дикарка
Действие первое
Действие второе
Действие третье

Жан Ануй
Дикарка

La Sauvage de Jean Anouilh (1934)
Перевод Ю. Яхниной

Действующие лица:
Тереза
Флоран
Гартман
Госта
Тард
Г-жа Тард
Жанетта
Мари
Г-жа Вазен
Старшая мастерица
Ученица
Экономка
Судомойка
Г-н Лебонз
Официант

Действие первое

Кафе в маленьком курортном городке, обставленное убого, но с претензией. Почти вся сцена занята возвышением для оркестра. С одной стороны дверь а буфетную: официанты, вынося подносы с посудой, открывают ее ногой.

На сцене три столика. Один, возле самой эстрады, отведен музыкантам: на нем валяются ноты, футляры от инструментов; два других свободны. К одному из них прислонены стулья в знак того, что он заказан.

Остальная часть помещения не видна. На стене зеркала, повешенные так, что оркестр кажется многолюдным, а зал — большим. В оркестре играют: Госта — пианист, Тард — контрабас, г-жа Тард — виолончель, Тереза и Жанетта — первая и вторая скрипка.

При поднятии занавеса оркестр доигрывает какую-то бравурную пьеску. Официант слушает стоя у эстрады. В кон-

це пьески кто-то зовет его из глубины зала. Он бросается на зов, на бегу смахнув крошки с одного из столиков.

Официант. Сию минуту, мсье.

Музыканты откладывают инструменты. Несколько жидких хлопков.

Жанетта *(бросив взгляд на пустой столик у эстрады).* Что-то он сегодня опаздывает.

Тереза *(откладывая скрипку).* Он меня предупредил. Он пошел встречать своего импресарио к поезду десять тридцать…

Жанетта. А ты не боишься, что в один прекрасный день он возьмет да и не придет совсем?

Тереза. Иногда боюсь.

Жанетта. Мне ведь, знаешь, тоже обещали… жениться. Тут главное дело — добраться до мэрии…

Тереза. Я уже и сейчас так счастлива, что если даже мы не…

Жанетта. Э, погоди-погоди! Не вздумай и виду подавать, что согласна оставаться в любовницах. И потом, когда вы вместе бываете где-нибудь, следи за собой, крошка. Помни об одном: в твоем положении главное — не уронить себя.

Тереза смеется.

(*Невозмутимо продолжает.)* А в остальном — положись на судьбу. Не докучай ему разговорами о браке. Это раздражает мужчин. Они только злятся. Лучше обиняками — то о приданом, то о мебели…

Тереза *(опять смеется).* И ты воображаешь, что я буду надоедать ему этой ерундой?

Жанетта. Без этого не обойтись, крошка… Спроси любую из тех, что добились своего. А вот толстуха Луиза, чтобы заарканить своего инженера, придумала другую хитрость. Знаешь какую? Идет с ним, бывало, по улице и гладит по головке всех встречных ребятишек. Да еще вздыхает, и я, мол, хочу такого… Его аж слеза прошибала, он души в детях не чаял. Так она его и окрутила. А потом — что с нее возьмешь… Взяла да объявила, что не желает рожать.

Тереза *(опять смеется).* Слушай, Жанетта, не трать время попусту. Пойми, для меня это все по-другому. Захочет на мне жениться, — тем лучше! Не захочет…

Тард *(проходит с нотами, берет оставшиеся листы).* Живо-живо, поторапливайтесь. Уже полночь. Сыграем последнюю пьесу. *(Прикрепляет афишку с номером «12» и мелом пишет на боль-*

шой грифельной доске название отрывка.)

Госта *(посмотрев на часы, подходит к Терезе).* Уже полночь, Тереза…

Тереза *(не понимая).* Ну да. Госта (протягивает ей сверток). Возьми. Никому не показывай.

Тереза. А что это?

Госта. Посмотри.

Тереза *(раскрыв сверток, с удивлением).* Духи?

Госта. Да.

Тереза. Но… в честь чего?

Госта. Тебе сегодня двадцать лет, Тереза. Только я один это и помню…

Тереза *(шепчет).* Мне двадцать лет? И как раз сегодня?

Госта *(улыбаясь).* Завтра. Но уже полночь.

Тереза. Ох, Госта, как это мило с твоей стороны! Понимаешь, как раз сегодня вечером… Я хотела тебе сказать…

Тард *(подойдя, перебивает ее).* Госта, куда ты девал партитуру? Нигде не могу найти… Побыстрее, вернулся мсье Лебонз. *(Уводит Госту.)*

Жанетта. Что это?

Тереза. Духи. Славный он… Я так и не решилась ему сказать. А сказать должна я сама

Жанетта. Да ведь твой отец обещал все уладить.

Тереза. Он только все испортит.

Жанетта. А тебе-то, в конце концов, какое дело? Ты но обязана догадываться — Госта ведь даже но заикался, что влюблен в тебя!

Тереза. Не заикался, бедняга

Жанетта. А что говорит твоя мать?

Тереза. Моя мать? Ты же знаешь, чтобы его удержать, она ни перед чем не остановится... Боюсь оглянуться. Они с ним говорят?

Жанетта *(обернувшись).* Нет, они о чем-то толкуют между собой. А Госта отошел, ищет ноты.

Тереза. Ой, мне лучше уйти. *(Кричит Тарду.)* Папа, я сейчас вернусь. *(Подзывает отца знаком.)* Ты ему скажешь?

Тард. Это мой долг! Только возвращайся побыстрее. Хозяин в зале.

Тереза уходит.

(*Подходит к жене.)* Что-то он не в духе — неужели догадался?

Г-жа Тард. Нет, еще не догадался. Но ему надо сказать заранее, пока мсье Флоран не пришел за Терезой. А то вдруг Госта закатит скандал.

Тард. Во время концерта?

Г-жа Тард. Конечно.

Тард. Но это неслыханно.

Г-жа Тард. Совершенно верно. Будь осторожен. Может, сначала доиграем?

Тард. Нет… Лучше я ему скажу и сразу дам знак начинать. Это марш из «Тангсйзера». Он сорвет свою злость на клавишах. Пойду. *(Делает шаг к Госте, возвращается.)* А за обедом он был в духе?

Г-жа Тард. Не особенно.

Тард. Ох! *(Приосанившись.)* В конце концов, с какой стати мы боимся ему сказать! Кто здесь хозяин?

Г-жа Тард. Не знаю.

Тард. Как это не знаешь? Кто твой муж? Кто капельмейстер оркестра? Кто отец Терезы?

Г-жа Тард. Вообще-то — ты.

Тард. То есть как это «вообще»? Я буду тверд.

Г-жа Тард. Делай как знаешь, но если он тебя убьет, не удивляйся.

Тард. «Убьет!»… «Убьет!»… Черт побери! Где здесь логика! С чего это мы должны спрашивать у него согласия, выдавая замуж нашу дочь? Кто он такой?

Г-жа Тард. Никто. Но это не помешает ему отправить тебя на тот свет.

Тард. «На тот свет»… «на тот свет»… Ей-богу, этот малый зарвался… Вот уже тринадцать лет я закрываю глаза на его связь с тобой. Чего ему

еще нужно?

Г-жа Тард. Ты знаешь не хуже меня, он привязан к девочке.

Тард. Выходит, ко всей семье разом? Но я в своем праве. Я не отступлю.

Г-жа Тард. Берегись.

Тард. Говорю тебе, я в своем праве.

Г-жа Тард. Ну и что? Ты знаешь, какой он вспыльчивый. Будь осторожен.

Тард. Выходит, теперь уж наши права гроша ломаного не стоят?

Госта *(возвращается из глубины зала).* Вот ноты. Начинаем?

Тард *(со вздохом).* Начнем. *(Подходит к г-же Тард.)* Сколько он хлопнул рюмок?

Г-жа Тард. Одну.

Тард. Ладно. *(Решительно двинулся к Госте)* Ну как, нашли марш из «Тангейзера»?

Госта. Нашел.

Тард *(откашливается, потом нервно раскладывает ноты на пюпитрах).* Читали в газетах про дело Синеро?

Госта. Читал.

Тард. Двенадцать убитых! Вот ужас-то!

Г-жа Тард, кашлянув, подталкивает его локтем.

Ах да! В самом дело! Вам ужо говорили про девочку?

Госта *(поднимает голову).* Про девочку? Мне никто ничего не говорил.

Гард *(г-же Тард).* Ты ему не говорила?

Г-жа Тард. Нет.

Тард. Черт побори, как же так! Расскажи ему все как есть. А я пойду поищу Терезу. Я вижу, мсье Лебонз уже теряет терпение.

Г-жа Тард *(удерживая его).* Постой. Не уходи!

Госта *(встревоженный, встает, подходит к ним).* В чем дело? Что вы мне хотели сказать о девочке?

Тард. Видите ли, гм…

Г-жа Тард. Да нет, ничего особенного…

Госта *(глядя на них).* Не лгите. *(Г-же Тард.)* У тебя рот перекосило, значит, ты чувствуешь: в воздухе пахнет дракон.

Г-жа Тард. Ты спятил! Что ты несешь?

Тард *(принужденно смеясь).* Спятил, вконец спятил. Драка… Какая еще драка, скажите на милость?

Госта. Чего вы хотите от девочки?

Тард *(тупо твердит).* Да ничего, ровным счетом ничего. *(Вдруг высокомерно.)* А впрочем, что я, мы хотим только одного — ее счастья! Так вот,

композитор Франс… Знаете, знаменитый маэстро… Он еще в прошлом месяце давал сольный концерт в казино…

Госта. Ну, знаю. И что?

Г-жа Тард. Брюнет, который приходил сюда несколько раз и разговаривал с Терезой… Это он и есть.

Госта. Тереза с ним знакома?

Тард. Ну да. На курортах знакомятся быстро…

Г-жа Тард. Знаешь, Госта, он очень симпатичный…

Тард. И потом — что там говорить — маэстро! Маэстро, прославленный на весь мир…

Госта. Что вы мне тут плетете? Ох, не люблю я, когда у вас обоих такие рожи. Мы говорили о Флоране Франсе. Дальше что?

Тард *(пятясь).* Большой талант…

Госта. Знаю.

Тард. Один из тех, кто создал нам славу за границей.

Госта *(хватая его за галстук).* Будешь ты наконец говорить?!

Тард *(пятясь).* Госта! Во время концерта! Только без рук!

Г-жа Тард *(повиснув на руке Гости).* Госта, речь идет о счастье девочки! Ее счастье прежде всего…

Он женится на ней, понимаешь, женится! Кто мог об этом мечтать!..

Госта *(отталкивает ее, не выпуская Тарда).* А! Так я и думал! Отстань, слышишь! Вы уже давно пытаетесь ее продать должен же был найтись покупатель!.. Сколько тебе за это дали, а, говори? *(Встряхивает Тарда.)*

Тард. Госта, вы сошли с ума? Во время концерта!.. Мсье Лебонз увидит…

Госта. Я ему скажу, какой ты прохвост, и на его глазах набью тебе морду, как ты заслуживаешь…

Тард *(пытаясь принять достойный вид).* Это возмутительно! В конце концов, кто здесь хозяин?

Г-жа Тард. Она его любит, Госта, клянусь тебе!..

Госта. Она еще девчонка! Вы ее прельстили Звоном монет, которые она получит… А ей даже и не нужны эти деньги, потому что она лучше вас… И все ты, старый хрыч…

Тард *(которого трясет Госта).* Кто здесь хозяин?

Жанетта *(бежит к входной двери).* Тереза! Скорее!

Госта *(держа Тарда вытянутой рукой).* Старая рухлядь… Так бы и раздавил тебя, как червя… Ладно, приведи себя в порядок. Поправь галстук.

Тард *(хнычет).* Кто здесь хозяин, черт возьми?

Тереза *(вбегая).* Госта, сейчас же оставь его в покое! Ты сам не знаешь, что говоришь. Никто не заставлял меня выходить замуж. Я его люблю.

Госта *(выпустив Тарда, смотрит на нее).* Почему ты мне ничего не сказала?

Тереза. Потому что… Потому… *(В смущении запнулась.)* Сама не знаю, почему.

Лебонз *(врывается с салфеткой под мышкой).* Да вы что? Когда вы собираетесь играть — сегодня или завтра?

Тард. Простите, мсье Лебонз. Сию минуту. Госта, за рояль! *(Внезапно выкрикивает, смешной и напыщенный.)* Работа прежде всего! Работа прежде всего!

Госта *(застыл, бледный, со сжатыми кулаками).* Заткнись.

Тард *(понизив голос под его взглядом).* Работа прежде всего. Я ничего плохого не сказал.

Тереза *(тихо).* Госта, пожалуйста, садись за рояль. Я тебе потом объясню.

Госта круто поворачивается и идет к инструменту.

Лебонз. Совсем уж совесть потеряли…

Тард. Начинаем, мсье Лебонз, начинаем! При-

готовились! Раз, два, три... *(Начинает играть.)*

Лебонз. Давно пора. И чтобы этого у меня больше не было. *(Величаво удаляется, предварительно передвинув какой-то стул и обмахнув на ходу салфеткой столик.)*

Обмен последующими репликами происходит быстро, под музыку. Оркестранты продолжают играть.

Г-жа Тард. Вот видишь, болван, видишь, ты все испортил.

Тард. Испортил? Пока я никого не испортил. *(Прыскает, потом суровo.)* Если он опять начнет свое, я его проучу!

Музыка.

Г-жа Тард *(вздохнув).* Лишь бы он меня не бросил. Как по-твоему, бросит он меня?

Тард. Ну и ну! Тринадцать лет я закрываю глаза... Но если ему надоело втаптывать меня в грязь, уж не воображаешь ты, что я стану его отговаривать?

Г-жа Тард. Трус!

Тард. Слышал уже!

Г-жа Тард. Презираю тебя, слышишь, презираю!

Тард. Лучше не сбивайся с такта!.. Внимание — фермата!

Г-жа Тард. Трус! Трус!

Тард. А кто будет помнить о диезах? Бабушка?

Г-жа Тард. Рогоносец! Старый рогоносец!

Тард. По чьей вине? *(Вдруг с улыбкой.)* Тихо. Он идет.

Входит Флоран с Гартманом.

(*Играет приветствие на своем контрабасе.)* Маэстро!

Г-жа Тард жеманится. Тереза чуть заметно улыбается, но не двигается с места. Гартман и Флоран садятся рядом скамью и разглядывают оркестр.

Флоран. Ну как, Гартман?

Гартман. Это ведь не блондинка?

Флоран *(усмехнувшись).* Нет. Само собой.

Пауза.

Гартман. На контрабасе играет отец? Ну и тип!

Флоран. А на виолончели — мать.

Гартман *(с улыбкой разглядывая их).* Вы удивительный человек, Флоран. Жениться, невзирая на эту парочку. Как я понимаю, малютка даже не

требовала брака.

Флоран. Она моя любовница.

Гартман. Вы ее любите?

Флоран *(смеясь).* Что ж, недурное объяснение.

Гартман *(надев толстые роговые очки, внимательно разглядывает Терезу).* Она прелестна — это верно, но все же... Я ведь отчасти ваш старый наставник, Флоран. Вы уверены, что не делаете глупости?

Флоран. Уверен ли я? Я никогда ни в чем не уверен, а на этот раз впервые в жизни уверен безоговорочно. И как это прекрасно!..

Гартман. А ваша работа?

Флоран. Хорошо, что вы приехали. А то уже целый месяц я ничего не делаю.

Гартман. Почему — ничего? Вы пускаете на ветер деньги. Я уже заплатил шестьдесят тысяч франков неустойки.

Флоран. А если я вам признаюсь, что за все это время не прикоснулся к инструменту?

Гартман. Черт побери! *(Снова разглядывает Терезу сквозь роговые очки.)* Она и в самом деле очень хороша.

Флоран *(тихо).* Я ее люблю, Гартман.

Гартман. Начинаю в это верить. *(Прислушивается, делает гримасу.)* Так или иначе, на скрипке

она играет ужасно.

Флоран *(с улыбкой).* Верно. Но мне это безразлично. Я ведь беру ее не для того, чтобы она играла на скрипке… А для того, чтобы быть с ней счастливым всю свою жизнь.

Гартман. Неужели это правда?

Флоран. Вы сейчас произнесли те самые слова, которые я твержу себе, просыпаясь, каждое утро: неужели это правда? И тут же отвечаю себе: правда.

Гартман *(улыбаясь).* И это в самом деле правда?

Флоран. Не могу же я лгать себе каждое утро.

Гартман *(помолчав, со вздохом).* Боже, как она плохо играет…

Флоран. Она играет плохо, но любит меня так, как надо.

Гартман. Она вам это говорит?

Флоран. Никогда. Но стоит нам остаться вдвоем, она льнет ко мне, как козочка. Смотрит мне в глаза — в глубину души, как она говорит… Она уверяет, что со мной не надо быть хорошим пловцом… сразу видно дно… Это правда, Гартман?

Гартман *(задержав взгляд на Терезе).* Какое счастье, что у той, кого вы любите, такая же открытая и безмятежная душа, как у вас, Флоран…

Флоран. Почему?

Гартман. Да просто так, объяснять трудно и долго… К тому же я дал себе слово никогда с вами об этом не говорить. Вас не должна коснуться даже тень сомнения. Вы очаровательны, Флоран, и наверняка сделаете ее счастливой…

Флоран. Гартман! Я требую, чтобы вы объяснились! Вы что-то от меня скрываете. Я чувствую, что вы разъясните мне, какое я чудовище, сам того не подозревая.

Гартман *(улыбаясь).* Может статься!

Флоран. У меня есть порок, которого я не сознаю? Скажите откровенно, Гартман, я имею право знать… ведь я собираюсь жениться!

Гартман. Пожалуй, да, своего рода порок.

Флоран. Какой?

Гартман. У него много названий: безмятежность духа, ум, легкий характер, и еще везение…

Флоран *(рассмеявшись).* Но, по-моему, все это очень мило…

Гартман. Очень. Но я боялся, что вы однажды полюбите девушку строптивую, недоверчивую, требовательную. Какое счастье, что она так же ясна душой, как вы!

Тард и г-жа Тард, играя, расточают улыбки Флорану.

Родители великолепны. Да и остальные оркестранты не хуже. Как на ней отозвалось общение с этими людьми?

Флоран. Как на ней отзывается все. Произошло чудо. Их общество могло породить в ней низость, а породило силу, искренность, какую-то духовную зрелость. Из той свободы, которой она пользовалась, из связей, которые у нее были до меня, она вынесла чистоту, чуждую притворства и ханжества. Вот увидите, она вас поразит.

Гартман *(с улыбкой глядя на увлеченного Флорана).* Я уже поражаюсь, слушая вас…

Флоран. Бедность могла ее сделать расчетливой и жадной, а внушила ей только равнодушие к роскоши. Гартман! Она отказывается брать у меня деньги, чтобы купить себе что-нибудь. Она сама шьет себе платья, пудрится дешевой пудрой и не принимает от меня никаких подарков. А у нее нет ни гроша. Вы скоро увидите — только не смейтесь, — она сама мастерит свои невообразимые шляпки.

Гартман. Но если она выйдет за вас замуж, ей надо будет примириться с тем, что вы станете ее кормить и одевать.

Флоран *(улыбаясь).* Надеюсь. Но не слишком уверен. Вчера она впервые согласилась взять у

меня денег, чтобы купить чемоданы. И то поело того, как я рассердился… Хороша бы она была со своими двумя платьишками в картонке. Все это должно быть вам по сердцу.

Гартман *(теперь смотрит на него с доброй улыбкой).* Ну что ж, прощаю ей фальшивые ноты… *(Вздыхает.)* Подумать только, Флоран, все вам удается — даже любовь…

Флоран. Мне везет.

Гартман. Пожалуй, даже слишком.

Флоран. Везение не может быть слишком большим.

Гартман. Иногда может.

Пьеса окончена.

Тереза *(быстро спускается с эстрады и бежит к Флорану, который встает и идет ей навстречу).* Как вы поздно сегодня!

Флоран. Добрый вечер, моя маленькая дикарка!

Тереза *(со смехом указывает в глубину кафе).* Вы слышали эти жиденькие хлопки? А теперь публика пустилась наутек. С вами такого но бывает.

Флоран *(вторит ее смеху).* Эти люди не любят музыки. *Берет ее за плечи.)* Итак, быстро: отве-

чайте на вопросы. Вы думали обо мне сегодня?

Тереза. Все время.

Флоран. И никому не говорили, что меня любите?

Тереза. Говорила, подруге. Не могла удержаться.

Флоран. Тереза!.. А мне… ни разу.

Тереза *(ему на ухо).* Тебе я никогда этого не скажу. Но если я не буду изредка говорить об этом другим, я задохнусь.

Флоран. И никаких тайных мыслей?

Тереза. Все явные. В моих глазах, на моих губах. *(Слегка вытягивает губы.)*

Флоран *(тихо).* При них?

Тереза. Они — никто!

Он наклоняется к ней.

(*Вдруг отталкивает его, бросив взгляд на Госту.)* Нет, не сейчас.

Флоран. Почему?

Тереза. Потом скажу.

Госта спускается с эстрады, берет свою шляпу, проход мимо них молча, не глядя, и уходит.

Флоран *(берет за руку Терезу, которая смотрит вслед Госте, подводит ее к Гартману).* Я хочу

вам представить Гартмана. Это мой друг, но в кругу деловых людей он прикидывается моим импресарио, потому что разбирается во всем гораздо лучше меня.

Тереза. Он смотрит на меня очень грозно. Вдруг я ему не понравлюсь?

Флоран. Понравитесь. Я уверен. Но он сказал, что боялся, как бы я не полюбил девушку недоверчивую, требовательную, упрямую... Вот он и обдумывает сейчас — такая вы или нет. Ну как, Гартман, экзамен выдержан? Каков результат?

Гартман. Пять с плюсом. Удостоена отличия.

Флоран. О чем вы задумались? Я вам солгал?

Гартман *(взяв Терезу за руку).* Вы не способны солгать, Флоран. Тереза — само совершенство. Тереза — единственная в мире девушка, достойная вас. Но только эти блестящие глаза и выпуклый лоб как-то не согласуются с полной безмятежностью. Ее надо крепко любить.

Тереза *(отняв руку у Гартмана).* Почему вы это говорите?

Флоран. Потому что он считает меня чудовищем. Он не верит, что я могу сделать кого-нибудь счастливым.

Тереза. Значит, он вас не знает.

Флоран. О нет, знает, и давно. То-то и плохо.

Тереза. Он не знает вас так, как я. *(Гартману.)* Я смотрела на него, когда он спал рядом со мной. Я слышала, как он говорит во сне, поворачиваясь с боку на бок. Так вот, даже когда он уходит в мир ночных грез, я уверена в нем.

Гартман. А в себе — вы тоже так уверены?

Тереза *(как школьница, которую вызвали к доске).* Да, мсье.

Гартман. Вы верите, что он никогда но причинит вам зла?

Тереза. Да он сама доброта.

Гартман. И вам не страшно встретить олицетворение доброты, ума и радости? Вы храбрая девушка.

Тереза *(во внезапном смятении).* Почему вы мне все это говорите?

Флоран. Гартман — старый брюзга. Никогда но слушайте его, Тереза.

Тард и г-жа Тард, которые все это время, выразительно перемигиваясь, собирали инструменты на эстраде, теперь подходят с угодливым видом, потирая руки.

Г-жа Тард. Здравствуйте, мсье Флоран. Значит, завтра утром вы отнимете у меня мою крошку?

Флоран. Да, мадам.

Г-жа Тард. Ах, злодей, ллодей!

Тард. Вот что значит причуды судьбы, маэстро… Я всего лишь жалкий бедняк, а между тем дарю вам сокровище…

Г-жа Тард. Бесценное сокровище, и что греха таить — терять его нелегко!

Лебонз *(входит, крича кому-то).* Конечно, конечно, дорогой мсье, все что пожелаете! *(Тихо, Тарду.)* Клиент вон за тем столиком в глубине только что заказал еще две бутылки — одну для оркестра. Не убирайте нот. Сейчас спрошу у него, что ему сыграть. *(Уходит.)*

Жанетта (садится с недовольным видом). Вот еще выдумки — два часа ночи!

Тард *(возбужденно раскладывает ноты).* Да, но зато шампанское!..

Жанетта. Ха, знаем мы их! Ему поставят в счет сухое, а нам подадут игристое.

Лебонз *(появляется снова).* Контрприказание. Можете все уходить, кроме Госты. Клиент не хочет оркестра — только рояль. Хочет, чтобы ему сыграли «Лунный свет» из «Вертера». Он плачет. Говорит, что это ему напоминает жену.

Тард. Видите ли, как раз Госта… Мы тут немножко повздорили. Боюсь, что он уже ушел…

Лебонз. Вы что, смеетесь надо мной? Я ведь

предупредил, чтобы все оставались на местах! *(Официанту.)* Живо, сбегай за ним! Наверно, он поднялся в свой номер.

Официант. Слушаюсь, мсье Лебонз… Только, может, вы сходите, успокоите клиента… Он желает, чтобы ему сию же минуту сыграли «Лунный свет», а не то, мол, пойдет слушать музыку в другое кафе… Говорит, что не может больше ждать. *(Уходит.)*

Лебонз *(побагровев).* Черт побери! Если Госта через пять минут не сядет за рояль, клянусь, я завтра же вышвырну всех вас вон! *(Уходит.)*

Тард *(рухнув на стул).* Катастрофа! Маэстро, мне стыдно перед вами за беспорядок в оркестре. У нас всегда была прекрасная репутация… Но это грубиян, скандалист! На него вдруг нашло!

Официант и Лебонз возвращаются одновременно.

Лебонз. Ну что?

Официант. Заперся на ключ и не отвечает.

Тереза *(Флорану).* Только я могу его уговорить. Одну минутку. Пойдем, Жанетта…

Обе уходят.

Лебонз. Ну вот что! Мне упрашивать некогда.

(Официанту.) Возьми мою машину и привези пианиста из ресторана Руаяль. *(Тарду.)* А вы собирайте свои манатки. Завтра я найму другой оркестр.

Тард. Мсье Лебонз, мсье Лебонз, у меня семья!..

Лебонз. Мне наплевать!

Флоран *(подходит).* Послушайте, кажется, я могу уладить дело. Я сыграю вашему клиенту то, что он просит.

Лебонз. А играть-то вы умеете?

Флоран. Да, немного. *(Тарду.)* У вас есть клавир «Лунного света»?

Лебонз *(бурчит).* Пф! Не знает наизусть «Лунный свет», а туда же, суется играть! Ну ладно уж, играйте, раз другого не нашли. *(Тарду.)* Но если клиент останется недоволен, чтобы духу вашего здесь не было. *(Уходит вместе с официантом.)*

Тард. О маэстро!.. Как вас благодарить!.. Какая честь… в этом заведении… с моим оркестром…

Г-жа Тард *(принесла ноты).* Вот ноты, мсье Флоран… Ах, уж вот кто любезен, так любезен!..

Гартман *(поднимаясь на эстраду вместе с Флораном, мимоходом бросает Тарду).* Обычно, приятель, за это платят двадцать тысяч франков.

Тард *(сраженный).* Двадцать тысяч франков!.. С моим оркестром…

Тереза *(возвращается с Жанеттой).* В номере его нет. Судомойка видела, как он пошел к пляжу. Кто это играет?

Тард *(приосанившись).* Композитор Флоран Франс с моим оркестром.

Тереза. Папа! Ты сошел с ума… Ты позволил…

Тард. Это он настоял… А знаешь, сколько мне стоит эта замена. Вернее, сколько должна была бы стоить? Двадцать тысяч франков!

Тереза. Ох, как мне стыдно… Как стыдно!

Гард. Вот еще новости! С чего это?

Тереза. Для какого-то пьяного, в этом кафе… Ты должен ему помешать…

Тард. Ты дура. Сейчас узнаем, доволен ли мсье Лебонз. *(Уходит, потирая руки.)*

Тереза *(с минуту глядит, как играет Флоран, шепчет).* Флоран… Как странно — он за этим роялем… *(Пауза, задумалась.)* А впрочем, как было бы хорошо, если бы он играл в нашем оркестре и я бы тут познакомилась с ним и полюбила его…

Жанетта *(пряча скрипку в футляр).* Ты что, шутишь?

Тереза. Нет!.. О, я знаю, в конце концов я забуду о его богатстве… Но это не так-то просто…

Жанетта *(посмеиваясь в своем уголке).* Ах ты, бедняжка!

Тереза. Если бы он был беден и несчастлив… Смешно, конечно, но мне кажется, что я имела бы на него больше прав, если бы он опять стал ребенком. Я могла бы прижать груди, гладить по головке, говорить ему: «Не грусти, я рядом с тобой, я тебе помогу…»

Жанетта *(надев шляпку и взяв под мышку футляр со скрипкой).* Не горюй. Несчастных ты найдешь сколько душе угодно. А пока держи покрепче этого, раз уж ты его подцепила. *(Подходит к Терезе, целует ее.)* До свиданья, Тереза. Надеюсь, мы завтра еще увидимся. Но все-таки один совет на ушко. Проси у него в подарок бриллианты, и чем больше, тем лучше, их легче всего продать.

Тереза. Зачем ты мне это говоришь?

Жанетта *(уходя).* Просто так, мало ли что. Ну, желаю удачи!

Г-жа Тард. Что она там тебе напевает? Ты ее не слушай, она потаскуха. А главное, никогда не бери ее с собой, когда встречаешься с Флораном. С нее станется — она его отобьет.

Тереза *(пожимает плечами).* Не мели вздор.

Г-жа Тард. Ах, детка, ты не знаешь мужчин. Когда ловкая бабенка вешается им на шею…

Тереза пожимает плечами.

(*Разглядывая Флорана.)* А в особенности такой красавчик, как он. До чего мило, что он предложил сыграть! Ну прямо ангел, верно? Счастливица, он будет тебя баловать, исполнять все твои капризы. *(Вздыхает.)* Ах, как я мечтала о таком муже! Знаешь, Госта меня очень огорчает… Вдруг он бросит меня, когда ты уедешь?.. Но твое счастье — прежде всего. *(Вздыхает, подходит к дочери.)* Дай же, я поцелую тебя! Может, нам не придется больше поговорить с глазу на глаз. Ведь, в конце концов, ты моя любимая дочурка. А материнское сердце всегда щемит накануне свадьбы.

Тереза *(осторожно высвобождаясь).* Во-первых, свадьбы еще нет… И потом, эти приливы нежности не в наших привычках…

Г-жа Тард. Вот-вот, за эти годы столько накопилось в душе, а нынче хлынуло через край! Деточка… Доченька…

Тереза *(отталкивая ее).* Перестань кривляться.

Г-жа Тард. Как ты жестока! А ведь сердце матери — воск, тебе следовало бы знать… Да еще в такой вечер, как сегодня… Мать должна напутствовать дочь… *(Состроив приличествующую случаю мину.)* Не противься ему, будь покорной, не бойся…

Тереза. Ну-ну, довольно, хватит. Ты прекрасно знаешь, что я не девочка… Не будь смешной. Прошу тебя.

Г-жа Тард *(в испуге закрыв ей рот).* Надеюсь, ему-то ты ничего не сказала?

Тереза. Конечно, сказала.

Г-жа Тард *(в ярости).* А если бы он бросил тебя, идиотка?!

Тереза *(с улыбкой).* Наконец-то ты заговорила своим языком.

Г-жа Тард. Тебе привалило неслыханное счастье! Скажу тебе откровенно, я не верила, что он на тебе женится. Поцелуй меня.

Тереза. Опять! Чего ты от меня хочешь?

Г-жа Тард. При его связях он должен помочь тебе сделать карьеру. Не бросай музыку: через год ты станешь знаменитостью.

Тереза *(тихо).* По-моему, он считает, что я плохо играю.

Г-жа Тард. Пустяки. Пустяки. Он будет с тобой заниматься. А то он может устроить тебя в театр. Я всегда считала, что у тебя очень недурной голосок. Как бы там ни было, не давай ему передышки — пусть все время проталкивает тебя. Когда бедной девушке, как ты, выпадет такая удача, она должна уметь ею воспользоваться. Верь мне, это

длится не вечно. А я была покрасивей тебя.

Тереза *(пытаясь отделаться от нее).* А теперь, пожалуй! оставь меня…

Г-жа Тард *(удерживая ее).* Погоди, что за спешка… Очень ты нервная… Я хотела тебе сказать… Ты ведь знаешь, в каком мы положении… А твой отец скуп и денег не дает… Ты можешь оказать мне услугу, а он, само собой, ничего узнает…

Тереза *(вздрогнув).* Ты тоже… Чего ты хочешь?

Г-жа Тард. Да ничего, ровным счетом ничего. Я ждала сегодняшнего вечера, во-первых, потому, что не хотела докучать тебе раньше времени, а потом мы никак не могли столковаться насчет комиссионных… Короче, я была у Вентейля. Знаешь, знаменитый ювелир на набережной. Первоклассная фирма, милочка, отделение в Лондоне, другое в Париже. Словом, я ему все сказала.

Тереза *(побледнев).* Что? Что ты ему сказала?

Г-жа Тард. Как — что? Что ты выходишь замуж, и за богача.

Тереза. Ох, как ты могла! Ведь я же запретила…

Г-жа Тард. А тебе что за печаль, в самом-то деле? Он все равно узнал бы, не сегодня, так завтра. Послушай, твой жених, конечно, купит тебе кольцо. Ну что тебе стоит сказать: «Я видела

у Вентейля кольцо, оно мне очень нравится». Постой-постой. Там как раз есть бриллиант с жемчугами — загляденье. Да подожди, говорю! Вентейль просит за него двадцать пять тысяч. Я сговорилась с ним, что ты скажешь, будто давно о нем мечтаешь. Тогда Вентейль может запросить тридцать тысяч. Конечно, если твой жених будет торговаться, он уступит, а разница пойдет мне…

Тереза *(отшатывается, вся напружинившись).* Ух, как ты мне противна…

Г-жа Тард *(другим тоном).* Ах вон что! Я тебе противна! С каких это пор ты стала такой чистоплюйкой? Уж не теперь ли, когда у тебя есть надежда пристроиться? Что для него при его деньгах лишних две-три тысячи? А для меня — целое состояние!

Тереза. И ты воображаешь, что я соглашусь его обманывать?

Г-жа Тард. Да он никогда ничего не узнает!

Тереза. Ну и что ж, что не узнает. Тем более если не узнает! *(Хватается руками за голову.)* Боже мой, неужели вы все думаете…

Тард *(стремительно вбегает, очень возбужденный).* У меня есть гениальное предложение! Папаша Лебонз просто обалдел, узнав, кто бренчит сейчас на его старикане Гаво.

Г-жа Тард *(бросив заговорщический взгляд на Терезу).* Вспомни все, чем я для тебя пожертвовала, Тереза, и поразмысли о моих словах. Но только никому ни слова. *(Удаляется.)*

Тард *(после ее ухода, с тревогой).* Что она тебе тут наговорила? Помни, с ней надо держать ухо востро. Она женщина неплохая, но ограниченная… Слушай, цыпленок, папаша Лебонз подсказал мне роскошную идею… Задержи деньжка на два свой отъезд — это ведь плевое дело. Обожди, не перебивай, выслушай сначала. Ну так вот. Как тебе известно, к концу сезона мы даем концерт в пользу оркестра. По случаю твоего отъезда мсье Лебонз готов ускорить фенефис. Ты меня слушаешь?

Тереза. Да, папа.

Тард *(не очень уверенно).* Чудесно, дочурка. Так вот, значит, на этом дельце мы с тобой можем огрести кучу денег. Само собой, ты получишь свою долю. Слушаешь? Ну так вот. Эта мыслишка пришла мне в голову, когда я увидел твоего жениха за роялем. А что, если по случаю прощального концерта ты попросишь… Скажешь ему, что это, мол, пробуждает в тебе воспоминания, что из любви к нему тебе приятно видеть его на эстраде, где ты столько раз выступала… Ведь это вполне

естественно — у тебя чувствительная душа… Впрочем, ты вся в меня. Так вот, — что, если ты уговоришь его… выступить тут у нас — бесплатно, само собой, — и сыграть с нами пьеску-другую… Всей семьей, так сказать. То-то будет славно!

Тереза *(шепчет).* И ты, ты тоже…

Тард. То есть как это — тоже?.. Неужели твоя мать додумалась?..

Тереза. Уходи, уходи! Я даже не стану отвечать… Неужели вы все вообразили, что он автомат, который будет вам выбрасывать деньги? Что я должна думать только о его деньгах?

Тард. Ничего не поделаешь, бедность не порок!..

Тереза. Неужели раз в жизни нельзя забыть о деньгах?

Тард. Хотелось бы, но это трудно. Ну ладно, не прикидывайся дурочкой, ты умеешь считать деньги не хуже меня.

Тереза *(кричит).* Неправда! Вы пытались обучить меня этому. Но с ним — никогда!

Тард. Молчи! Ты просто сторговалась со своей матерью, она обещала тебе дельце повыгоднее. Сколько она тебе посулила?

Тереза. Уходи!

Тард. Сначала — договоримся.

Тереза *(бежит от него, она вот-вот заплачет).* Уходи, умоляю тебя…

Тард *(следуя за ней по пятам).* Сколько тебе посулила мать? Я тебе уступлю три четверти! Видишь, я не жадный…

Тереза *(взбежав на эстраду, прерывает игру Флорана и бросается в его объятия).* Флоран! Флоран! Уйдем, уйдем отсюда!

Флоран. Что случилось, Тереза?

Тереза *(прижавшись к нему).* Уедем, уедем скорее, пожалуйста, я больше не хочу их видеть!

Входит официант, подталкивая перед собой Госту.

Официант. Вот он. Пари держу, не угадаете, где я его нашел. На скамье, в конце мола…

Лебонз *(вбегает с криком).* А, явился наконец! Тебя ищут, а ты шляешься бог знает где. Ладно, ладно, извиняться нечего — мне от этого ни тепло, ни холодно. Завтра поговорим. *(Флорану.)* Позвольте поблагодарить вас, мсье! О нет, как же, как же! Я хоть и не смыслю в этих делах, сразу чувствую, где талант. Тереза не говорила вам о нашем маленьком плане, насчет…

Тереза *(живо).* Да-да, только что.

Лебонз. Обмозгуйте это дельце! Оно может

оказаться выгодным не только для меня, но и для вас. *(Протягивает ему руку.)* Еще раз спасибо. Извините, мсье. Наш брат кабатчик на ногах с шести утра… Пойду вздремну. *(Пожимает руки остальным; перед уходом — официанту.)* А ты пошевеливайся — убери стулья, нечего ворон считать, потуши верхние люстры. *(Уходит.)*

Конец действия разыгрывается при полупогашенном свете, среди стульев, которые официант громоздит на столы у эстрады, чтобы освободить место полотеру.

Тереза *(тихо, Госте, который, застыв на месте, не сводит глаз с нее и Флорана).* Госта! Ведь ты хорошо относишься ко мне, правда? Сегодня я счастлива… и мне хочется, чтобы все были счастливы. Познакомься, это мсье Флоран Франс, ты слыхал о нем — он композитор. А это Госта, мой старый друг, и я его очень люблю.

Флоран. Я рад познакомиться с вами… *(Протягивает руку.)* Госта не принимает ее.

Вы не хотите пожать мне руку?

Госта *(резко).* Чего вам надо от девочки? *(Надвигается на Флорана.)*

Г-жа Тард *(вбегает с криком).* Госта!

Тард *(тоже кричит).* Нахал!

Госта. Чего вам надо от девочки? *(Хватает Флорана за грудь).*

Флоран *(вырывается и отталкивает его).* Вы сошли с ума! Кто вы такой?

Госта. Никто. Я никто. Жалкий червяк, у которого она выросла на глазах. Я видел, как она стала такой, какая она есть, и не хочу, чтобы она сделалась шлюхой.

Г-жа Тард *(опять с воплем).* Госта, любимый!

Тереза *(без кровинки в лице, тихо).* Госта, не надо, ты ошибаешься. Ты тоже ничего не понял. Он богат, но я не виновата, что он богат.

Госта. Еще бы, конечно, не виновата! Но вот странное дело — ты никого не любила, а этого вдруг взяла да полюбила…

Тереза. Но я не виновата, что я его люблю!

Госта. Конечно, нет. Это в тебе заговорил инстинкт. Я-то думал, ты честная, а ты, выходит, как все, вынюхивала деньги своим грязным рыльцем… Ты берегла себя для того, кто на самом деле богат. Вот и вся разница…

Тереза *(вдруг кричит в отчаянии).* Да что же это с вами со всеми?! Я люблю его, люблю, люблю!..

Госта *(тоже кричит).* Еще бы, как тебе его не любить!.. Никто не сомневается, что ты его любишь!.. Ведь он богат, в этом все дело, как же тебе

его не любить?

Тереза *(упавшим голосом).* Ох, как ты гнусен. Убирайся!

Госта. Ладно, ладно, не горюй. Мы все уберемся отсюда. Очистим помещение. Мы теперь для тебя не компания. Эх! Кто бы думал, что и ты тоже… *(Рухнул на стул, закрыв лицо руками.)*

Тереза *(шепчет).* О, как это все глупо…

Г-жа Тард *(Госте).* Замолчи, любимый, успокойся! Ты ведь знаешь, стоит тебе понервничать, ты потом целую недолю хвораешь…

Тереза. Уведи его, мама. Уйди, Госта, уйди, прошу тебя. Я знаю, ты просто сошел с ума.

Госта *(которого Тард и г-жа Тард пытаются увести).* Я сошел с ума. Как же, сошел с ума… Это проще всего… Сошел с ума…

Г-жа Тард. Бедняжка мой любимый, не смотри на меня так, пойдем, пойдем. *(Целует его.)* Я знаю, тебе плохо, я знаю.

Им удается вывести его.

Флоран. Кто этот человек?

Тард *(возвращаясь).* Это строптивое дитя нашего оркестра. В качестве капельмейстера приношу свои извинения…

Тереза. И ты уйди, папа.

Тард *(разводя руками).* Как хочешь. Извинись за меня. *(Уходит.)*

Тереза *(быстро, не глядя на Флорана).* Это здешний музыкант. Он давно выступает вместе с папой. Он знает меня с детства и очень любит. Он человек простой, вспыльчивый. Он вообразил, что меня заставили, что я вас не люблю и сошлась с вами из-за денег. Поэтому он и кричал.

Флоран. Но ваша мать…

Тереза. Да, Флоран. Я не хотела говорить вам сразу еще и это. Мама назвала его «любимый». Это старая история. Он уже давно ее любовник.

Флоран. Простите меня, Тереза.

Тереза *(живо).* Не надо!

Г-жа Тард *(возвращается, жеманясь).* Ах, простите, мои голубки, я снова вам помешаю… Он успокоился, все в порядке. Что поделаешь — старый безумец! Он заснет, и все уладится. Я забыла здесь сумочку, в ней таблетки аспирина, ему это поможет. Ах, мсье, мужчины ужасные злодеи, все на один лад! Помню, когда мне было столько, сколько сейчас Терезе, и я дебютировала в кафешантане, я даже пела об этом песенку. *(Поет, сопровождая свое пение гримасками, и пр этом продолжает искать сумочку.)*

«У Нинон

Пропал тромбон,
Где же он? Ах, Нинон,
Где твой тромбон?
Скажи, где он,
Моя Нинон,
Тром-бом-бон…».

Куда запропастилась моя сумка? Может, я оставила ее на вешалке. *(Уходит.)*

Флоран *(после паузы, Терезе, которая застыла без движения).* Я должен поскорей увести вас отсюда, оторвать от этих мест. И от них, Тереза.

Тереза *(как во сне).* Да.

Флоран. Вы увидите, вам будет хорошо в моем доме.

Тереза *(без всякого выражения).* Да, мне будет хорошо.

Флоран. Моя сестра — девушка с такой же чистой и светлой душой, как вы. Вы подружитесь с ней. А моя тетка — вы увидите, — на свете нет другой такой очаровательной старой дамы.

Из-за кулис раздается пение:

«У Нинон
Пропал тромбон.

Где же он?

Ах, Нинон...»

Г-жа Тард проходит по сцене и исчезает с улыбкой, шепнув «до свидания» и заканчивая свою песенку:

«Где твой тромбон?

Скажи, где он,

Моя Нинон,

Тром-бом-бон».

Тереза *(бежит к двери, которую г-жа Тард оставила открытой, закрывает ее и прижимается к ней спиной. Кричит).* Я не хочу, чтобы вы ее видели! Она отвратительна, правда? Она так вульгарна, когда поет непристойности, и потом, эта ее связь...

Флоран. Да, Тереза. Но это не важно. Мы все это забудем.

Тереза. Вы думаете, это возможно?

Флоран *(твердо, с улыбкой).* Да, любимая.

Тереза *(вдруг кричит).* Да перестаньте же так упиваться своей силой, не будьте так самоуверенны!

Короткая пауза.

Простите, Флоран, но если бы вы знали, какое она чудовище. И мой отец тоже. Если бы я рассказала вам о них все, что знаю…

Флоран *(привлек ее к себе).* Ты вся дрожишь, Тереза. Но ведь ты познакомила меня с ними месяц назад и до сих пор не стыдилась их.

Тереза. Да… странно… до сих пор… я не понимала. Я была в неведении. Но они и на это открыли мне глаза.

Флоран. На что — на это?

Тереза. Кто я такая, и кто вы такой.

Флоран *(опускается перед ней на колени, обнимает ее ноги).* Сумасбродка моя… Да я просто твой возлюбленный, и вот я на коленях перед тобой, а ты — настоящее чудо и, поверь мне, стоишь куда больше, чем все деньги и хорошее воспитание. Тебе никто никогда не говорил, что это ты — богачка? А я нищий, Тереза. Посмотри на меня! Подай мне, Христа ради.

Тереза *(сдержанно отстраняя его).* Какой вы добрый и обходительный. Встаньте. Еще недавно я и сама думала, что чего-то стою, да, стою, несмотря на ваши деньги. Я даже сказала это подруге, с которой мы сидим рядом в оркестре. Она подняла меня на смех. Теперь я ее понимаю.

Флоран. Глупышка. Как может такую девушку,

как ты, гордую, независимую, хоть на одну минуту оскорбить какая-то глупая болтовня о деньгах.

Тереза *(с грустной улыбкой качает головой).* Тут дело не только в деньгах, Флоран. Нет… Еще недавно ваши слова сразу утешили бы меня. А сейчас даже само ваше обхождение — а ведь оно деликатное и тактичное — ранит меня.

Флоран. Я не понимаю тебя, любимая.

Тереза. Да, странно. И я перестала себя понимать. Вот недавно, когда вы чуть было не подрались с этим беднягой Гостой, я сразу угадала, что, хотя вы с виду такой неженка, вы сильнее его. Мне бы гордиться вами — ведь я люблю вас. А я почти возненавидела вас за то, что вы и в этом оказались сильнее. Сильнее всегда и во всем.

Флоран *(с улыбкой).* Глупышка моя! Значит, теперь ты на меня сердишься за то, что я сильный. Ну, хочешь, я подерусь сейчас с этим официантом. Пусть он меня поколотит как следует, тогда ты будешь меня любить?

Тереза *(чуть заметно дрожа).* Вы правы, это смешно. Все это глупости, правда, Флоран? Я люблю вас как равная, правда? Я стою вас, я похожа на вас? Я не такая, как они?

Флоран. Нет, Тереза, клянусь тебе.

Тереза. Но вам стыдно за них?

Флоран. Ни капли. Просто смешно.

Тереза. Что же такое со мной? Объясните, что со мной? Я не так счастлива, как прежде.

Флоран. Бедняжка, моя бедняжка. Тебе все причиняет боль. *(Обнимает ее.)*

Входит чета Тард.

Тард. Какая прелестная парочка!

Г-жа Тард. Ах, я вспоминаю свою юность!

Флоран, слегка смутившись, отстраняется от Терезы.

Тард. Да поцелуйте же ее, по стесняйтесь! Девочка — ваша, чего уж там.

Г-жа Тард. За кого вы нас принимаете, дорогой мсье Флоран? Мы тут все свои — все люди искусства. Да и что греха таить, я сама в любви собаку съела.

Тереза *(кричит).* Мама!

Тард. Главное — ее счастье, только это у нас на уме! Мы не то, что другие родители… *(Бросив взгляд на г-жу Тард.)* Гм!.. Разве вот… признаюсь вам… ее внезапный отъезд… принимая во внимание наши концерты…

Флоран. Но вы найдете ей замену — скрипачей сколько угодно.

Тард. Само собой, само собой, увы, не в этом загвоздка… На беду, она тут пользовалась большим успехом. Не скрою от вас, мсье Лебонз объявил, что на другой день после ее отъезда расторгнет с нами контракт. Для нас это настоящий финансовый крах.

Флоран *(вынимая бумажник).* Я готов поправить дело. Я должен — ведь тут моя вина…

Тереза *(державшаяся чуть поодаль, бросается к нему).* Нет!

Тард. Как это — нет? С чего это вдруг?

Г-жа Тард. Что с тобой, Тереза? Твой жених сам сказал, что должен…

Тереза. Нет и нет. Только не деньги. Вы и так заставили меня страдать из-за них. Вы и так отняли у меня сегодня частичку счастья. Не хочу я денег. Не хочу, чтобы вы млели от восторга оттого, что он хочет на мне жениться. Я хороша собой, мне двадцать лет, я его люблю — это стоит его славы и его денег. Довольно говорить о деньгах. Флоран, вы дали мне вчера денег на покупку чемоданов. Я их тоже не хочу. *(Бежит за своей сумкой.)*

Тард *(в испуге).* Не слушайте ее. Не слушайте!

Г-жа Тард *(со стенаниями бежит за Терезой и приводит ее обратно).* Но, Тереза… Тереза, образумься, деточка!

Тереза. Вот они, держите! *(Швыряет деньги к ногам Флорана.)*

Тарды порываются поднять деньги.

Ни с места! Приказываю вам!

Тард. Сумасшедшая! Раз он тебе их дал! Сюда могут войти! Это глупо!

Тереза. Да. Сумасшедшая. *(Задыхаясь, смотрит на Флорана.)* Вот и все.

Флоран *(рассмеявшись).* Милая, любимая. Ты — прелесть! Да какое значение имеют для нас эти деньги? Забудем о них навсегда. Хочешь, мы просто откажемся от них? Можно отлично прожить без денег. Смотри, вот... *(Шарит в карманах.)*

Тереза *(тихо).* Как все просто для тебя. Я умираю от стыда, а ты все обращаешь в шутку.

Флоран *(со смехом бросает все деньги, которые у него при себе).* Долой деньги, долой деньги, долой деньги! Отныне забудем, что такое деньги!

Тард *(потеряв голову).* О, это слишком, слишком! *(Г-же Тард.)* Никого не впускай. Стань у дверей!

Флоран *(бросая последнюю монету).* Ну вот, любимая! Могу я теперь поцеловать тебя? У меня не осталось при себе ни гроша...

Тереза *(повинуется, как автомат, а сама*

смотрит на Тардов, дрожащих от жадности). Посмотрите на них обоих. Эти деньги на полу причиняют им муки… Как изящно вы их бросили, Флоран! Мы не такие, у нас нет этого дара. Поглядите на их лица. *(Пауза, потом вдруг с воплем.)* Это я дура: я начала! Ведь и я, я тоже страдаю, видя эти деньги на полу. Я слишком долго колола пальцы иглой, слишком долго, до ломоты в пояснице, гнула спину за шитьем, зарабатывая гроши… Я строила из себя гордячку, но я лгала… *(Бросается на колени.)* На колени, на колени! Я буду их подбирать на коленях. Мне не пристало лгать. Я из той же породы.

Флоран. Но это безумие! *(Поднимает ее.)*

Глаза у нее закрыты, зубы стиснуты.

Сумасшедшая!

Тард *(взорвавшись).* Вот именно! То-то и оно! Она потеряла рассудок. Уводите ее, а мы собором деньги и вам вернем…

Бросаются подбирать деньги.

Гартман *(молча наблюдавший эту сцену, подходит к Флорану, который обнимает плачущую Терезу, тихо).* Помните, Флоран, вам придется быть очень осторожным…

Гарды продолжают собирать деньги.

Занавес

Действие второе

Комната, вся заставленная книгами. Три большие застекленные двери ведут в парк. Деревянные панели. На стенах семейные портреты. Английская мебель, пол выложен плиткой. Тереза стоит неподвижно, глядя на Тарда, который пересаживается с кресла на кресло.

Тард. Хотел бы я знать, в каком из этих кресел я заснул вчера вечером. В жизни не встречал такого кресла. Впрочем, и остальные очень хороши. Воображаю, сколько за них заплачено. *(Снова садится в то кресло, с которого начал.)* Нет, это я ужо пробовал. Да и вообще, то блаженное состояние скорое всего было вызвано обедом. Что за фаршированную грудинку вчера подавали — пальчики оближешь! Впрочем, и форель за завтраком тоже была недурна. *(Берет сигару, обнюхивает ее.)* У твоего жениха хороший вкус. *(Подумав, берет вторую сигару, кладет ее в карман.)*

Тереза. Оставь хоть несколько штук.

Тард. За кого ты меня принимаешь? Я люблю

пошутить, но знаю, как вести себя в обществе. *(Устраивается поудобнее в одном из кресел.)* А ты чего не садишься? Вон то маленькое, у камина, очень уютное. *(Пауза.)* Такие большие сигары стоят не меньше девяти с половиной франков штука. На эти деньги можно купить целую дюжину простых сигар. Представляешь, твой отец выкуривает двенадцать сигар зараз? А госпожа Тард, бывало, устраивала мне сцены из-за какой-нибудь одной грошовой сигары. Если бы она увидела меня сейчас, я был бы на седьмом небе. Надеюсь, ты ей написала?

Тереза. А ты?

Тард *(уклончивый жест).* Она — твоя мать! А я был так занят эти дни. Прогулки, отдых, трапезы. Сегодня к ужину цыпленок по-милански.

Тереза. Откуда ты знаешь?

Тард. Черт возьми, справился у кухарки. *(Пауза. Размечтался.)* Цыпленок по-милански. Ты но знаешь, что это за штука, а?

Тереза не отвечает.

А, дочурка? Ты не знаешь, что это такое — цыпленок по-милански?

Ответа нет.

(*Оборачивается.)* Ты что же, не хочешь отвечать? Нельзя сказать, чтобы ты была любезна с отцом. Когда мы наедине, еще куда ни шло — мне не привыкать. Но посторонние, наверное, только руками разводят. В конце концов, по-моему, тебе не в чем меня упрекнуть. Я опрятен, веду себя с достоинством, умею поддержать разговор. У кого еще из твоих подружек найдется отец, который так ловко носит смокинг и так непринужденно курит сигары по девяти с лишним франков штука?

Пауза.

Само собой, ты предпочитаешь отмалчиваться. Тебе нравится меня унижать. А я повторяю: назови такую подругу.

Снова молчание.

(*Устремляет взгляд на маленький погребец, стоящий рядом с ним, с тревогой.)* А где же твой жених? Обычно он после обеда сидит с нами.

Тереза. Не знаю. Он заперся с Гартманом.

Тард *(теперь уж по-настоящему беспокоясь).* Послушай, но ведь если они работают, он вернется не скоро. Может, ты сама подашь нам коньячок? В конце концов, ты ведь здесь молодая

хозяйка, а, дочурка?

Тереза. Нет.

Тард *(вставая).* Самому взять, пожалуй, не совсем удобно. А впрочем, здесь попросту, по-деревенски.

Тереза *(хватая его за руку).* Я запрещаю тебе открывать погребец!

Тард. Вот новости! Это еще почему?

Тереза. Я не хочу.

Тард. Французы никогда не подчинялись произволу. Объясни причины.

Тереза. Мне надоело смотреть, как ты шаришь по всем шкафам здешнего дома.

Тард. Надеюсь, ты не принимаешь своего отца за вора?

Тереза. До сегодняшнего дня ты ничего не крал, потому что красть у посторонних небезопасно. Но я не поручусь, что в доме людей знакомых ты устоишь перед соблазном…

Тард *(пожимая плечами).* Ты несправедлива. Как ты не можешь понять, твой отец, старый артист, интересуется сокровищами искусства, собранными в этом доме! *(Пауза. Садится; вдруг, жалобно.)* Ах, Тереза! Зачем ты привезла меня сюда? Твой старый отец вкусил прелесть роскошной жизни, жизни среди порядочных людей. Как

бы я хотел провести остаток моих дней в такой обстановке… По правде говоря, мне не следовало посвящать себя неблагодарной музыке. Я создан для другой участи. Не забывай — твоя мать была из простонародья. Забавно, я сказал «была». Мне здесь так хорошо, что я вообразил, будто ее нет в живых. Так вот, повторяю, твоя мать была из простых, а в моих жилах течет кровь добропорядочных буржуа. Признаешь ты это или нет, но под личиной старого забулдыги-артиста кроется потомственный буржуа. *(Продолжая говорить, встает и делает попытку открыть погребец, ему это не удается, тогда с помощью перочинного ножичка, который висит у него на цепочке от часов, он пытается открыть замок.)*

Тереза *(заметив это).* Это кто же — потомственный буржуа или старый забулдыга пытается сейчас взломать замок?

Тард *(уязвленный, складывает ножик и возвращается в свое кресло. По дороге берет еще одну сигару и прячет в карман).* Послушай, какая муха тебя сегодня укусила? Позволь тебе заметить, дочурка, что твои насмешки кажутся мне неуместными… Не понимаю, зачем ты заставила меня приехать сюда, если твоя цель — отравить мне жизнь! Твой жених и Гартман со мной очень

милы. Ты одна меня третируешь. А почему? Можешь ты мне объяснить? То-то и оно, что не можешь.

Тереза устало прижимается лбом к оконному стеклу.

Ну, ясное дело. Ты считаешь своего отца дураком. Тогда потрудись, пожалуйста, объяснить этому дураку одну вещь, которую он никак не возьмет в толк. Я вот о чем. Ты, стало быть, меня стыдишься, — так ведь? Ладно, не стану сей час распространяться о том, насколько это несправедливо незаслуженно и обидно: пусть так — ты меня стыдишься Кстати сказать, сегодня с самого утра ты каждую минуту тычешь мне этим в глаза. «Не взламывай погребец!» А ведь ть могла сказать: «не пытайся открыть» или в крайнем случае «не сломай замок», а ты как бы невзначай выбрала самое непотребное выражение, но — замнем… Итак, «не взламывай погребец», «не шарь по шкафам», «оставь другим сигары» «посмотри, какие у тебя грязные ногти», «ты весь в перхоти, почистись» и так далее и тому подобное. А все артисты, замечу в скобках, всегда в перхоти. Такая уж это штука, нет от нее надежного средства. Стало быть, ты меня стыдишься. Ладно. Ты

всегда корила меня за грязные ногти, за перхоть. Ты дурная дочь. Это для меня не новость. Для того, кто произвел тебя на свет, твое теперешнее поведение глубоко оскорбительно, но оно его не удивляет. Но вот что странно. Сколько мы здесь дней, дочурка? Не хочешь отвечать? Воля твоя, я сам тебе отвечу: вот уже шесть дней — дважды три — шесть, — как мы приехали. И выходит, что первые пять дней нашего пребывания здесь ты меня не стыдилась. Ты мне возразишь, что я не каждый день заставляю тебя стыдиться. Но я тебе отвечу, цыпочка, как на духу. Если в какой-то момент мое поведение могло заставить тебя стыдиться — так было, да простит меня бог, в первые два-три дня нашего пребывания здесь. Да, признаюсь тебе, в первые дни я был ослеплен. Роскошные пиршества, вот эти кресла, сигары — сколько душе угодно, коньяк, который подают каждый день, что там говорить… *(Вздыхает, поглядывая на погребец.)* Словом, за первым обедом — ладно уж, скажу все как есть — я был не на высоте. Съел пять порций шоколадного крема… Уронил анчоус в свой стакан… Рыгал… Между нами говоря, все это не так уж страшно. При каждой своей оплошности я отпускал какую-нибудь шуточку и с честью выходил из положения. Но

в общем в тот день — видишь, твой старый отец смиренно в этом признается — я мог дать тебе некоторый повод стыдиться меня.

Тереза. Не трать слов попусту, я стыдилась.

Тард. Ага, стыдилась! Допустим! Ну, а как ты вела себя во время этого обеда? Хохотала во все горло над каждым моим промахом. Это ты громогласно подстрекала меня, привлекая ко мне всеобщее внимание, взять пятую порцию шоколадного крема. Мало того, ты пыталась ввести меня в заблуждение насчет мисочки с теплой водой, которую нам подали в конце обеда. Не вмешайся твой жених, ты заставила бы меня выпить эту воду, гадкая девчонка, а до этого по твоему наущению я съел лимон с кожурой. А когда на меня напала злосчастная отрыжка, твой жених — он человек воспитанный — отвернулся, а ты расхохоталась, стала хлопать в ладоши и закричала: «На здоровье, папа!» Что, разве ты не кричала: «На здоровье, папа!»?

Тереза *(устало).* Кричала.

Тард. А в гостиной, пользуясь понятной слабостью старика, которому жизнь всегда во всем отказывала, разве не ты заставила меня взять четыре сигары? И разве не ты налила мне подряд семь рюмок коньяку и подпоила меня, как под-

паивают мидинетку, чтобы она болтала невесть что?.. Ясное дело, я и болтал невесть что… Меня стоит подпоить, из меня песенки так и льются… И однако… Песенка песенке рознь. Если бы ты меня не подзуживала, я, может быть, спел бы «Когда белеет вишни цвет». Куда там! Ты потребовала, чтобы я спел фривольные куплеты, и все для того, чтобы мне пришлось делать непристойные телодвижения! А сама покатывалась с хохоту. Мне даже вспомнить об этом стыдно. Что, разве этого не было в первый день?

Тереза. Было, папа.

Тард. А сегодня ты меня попрекаешь из-за каждого пустяка. Согласись, что одно противоречит другому.

Тереза. Да, папа.

Тард. Тогда объясни мне, пожалуйста, что значит эта внезапная перемена?

Тереза. Я отвечу тебе так, как ты учил меня, когда я была ребенком: «Если тебя спросят, отвечай, что не знаешь».

Тард *(с горечью).* Очень остроумно. Только я уже не ребенок. Если меня спросят, я покраснею и отвечу: «Я — отец, который не пользуется доверием своей дочери».

Экономка вносит кофе.

Экономка. Хозяин приносит свои извинения мадемуазель, он задержится еще на несколько минут. Он очень просит мадемуазель и вас, мсье, начать пить кофе, не дожидаясь его и господина Гартмана.

Тард *(окликает ее).* Скажите, мадам, этот погребец заперт?

Экономка. Нот, мсье, его никогда не запирают. *(Открывает погребец.)*

Тард *(Терезе).* Вот видишь! *(С обворожительной улыбкой.)* Тысяча благодарностей, мадам.

Экономка. Не стоит, мсье.

Тард. Вы очень любезны, мадам.

Экономка уходит.

(*Решительными шагами направляется к погребцу и вынимает из него бутылки.)* Мне — финьшампань, а тебе что, цыпочка?

Тереза. Ничего.

Тард. Я налью себе глоток арманьяка. Интересно сравнить его с финьшампанем. *(Наполняет вторую рюмку.)* До самого краешка, как ты любишь. *(Пьет, удобно расположившись в кресле.)* Положа руку на сердце, дочурка, я должен сделать тебе одно признание. Я многое обдумал за эти шесть дней. Ну так вот, я нехорошо поступил в

тот раз, когда хотел подбить твоего жениха выступить в этой жалкой забегаловке папаши Лебонза, а самому заработать на этом сотню-другую… *(Опорожнив рюмку, отставляет ее).* Ладно уж, выложу тебе все до конца! Я даже подумываю, не вернуть ли ему часть денег, что он мне ссудил.

Тереза. Ты сошел с ума?

Тард. Нет… Не сошел. Но странная штука. В этом доме, бок о бок с ним, на меня словно что-то нашло… Он такой щедрый, так беззаботен в материальных делах… Представь, меня так и подмывает вернуть ему часть денег… *(Пауза, берет другую рюмку, отпивает глоток.)* А ведь я прекрасно знаю, что он дал мне их от чистого сердца. *(Отпивает еще глоток.)* И я знаю, что для него, такого богача, это капля в море… С другой стороны, не скрою от тебя, если вычесть то, что у меня взяла твоя мать, да еще разные непредвиденные расходы, денег осталось — кот наплакал… *(Делает еще глоток.)* К тому же, пожалуй, я вправе усомниться, — принимая во внимание деликатный характер наших отношений, — не покажется ли ему оскорбительным такой шаг с моей стороны… *(Его рюмка пуста; указывает на рюмку Терезы.)* Еще глоток арманьяка?

Тереза не отвечает.

Самую малость? *(Наполняет рюмку, пьет.)* А ты права, он лучше, чем финьшампань, крепче. *(Помолчав, возвращается к своим размышлениям.)* Словом, как видишь, тут есть в «за» и «против». Но мне сдается, что все-таки следует сделать символический жест — несколько сот франков, ну, на худой конец, тысячу… *(Пьет, задумчиво.)* Ба!.. Ты права если это символический жест — хватит и пяти сотен. *(Пауза.)* А пожалуй, даже четырех. *(Снова пьет, устремив взгляд в пространство; с достоинством.)* Впрочем, имей в виду, я ни за какие коврижки но хотел бы прослыть жадиной…

Тереза. Да что ж это, что ж это творится в здешнем доме, если даже ты стал так рассуждать? Очнись, папаша Тард, посмотри на меня! Тебе ссудили денег и дали понять, что не надо спешить с возвратом. Их с тебя не требуют, и ты по собственному почину хочешь их вернуть. Ты… ты хочешь сделать символический жест? Ты боишься прослыть жадиной?

Тард. Да, твой отец дошел до этого.

Тереза. Кто бы подумал, папаша Тард, что в глубине души ты только и ждал случая стать добропорядочным человеком?

Тард. Я всегда был порядочным. Это твоя мать оказывала на меня дурное влияние.

Тереза. Ты, который шестьдесят лот был неряхой, теперь завязываешь себе галстук по всем правилам искусства. *(Рванулась к нему.)* Где ты взял этот галстук? Это не твой.

Тард. Я его не брал. Это твой жених дал его мне.

Тереза. Ты его выпросил?

Тард *(с искренним негодованием).* За кого ты меня принимаешь? На нем был этот галстук. А я ему просто сказал: «Отличный галстук, в точности с такой же сиреневой искрой, как мой костюм». А это святая правда — можешь проверить. И тут уж не знаю, какая муха укусила твоего жениха, — только он засмеялся, снял его и дал мне. Чудак, но сердце у него золотое. *(Вынимает из кармана зеркальце и, напевая, поправляет галстук.)* Ля-ля-ля! Этот галстук стоит не меньше пятидесяти франков. *(Прячет зеркальце и с достоинством, вновь затягивается сигарой.)*

Тереза *(против воли, улыбаясь).* Как ты счастлив здесь…

Тард. Так счастлив, что не смею в этом признаться самому себе.

Тереза. Почему?

Тард *(смиренно).* Боюсь, что ты отошлешь меня домой. *(Суеверно трогает деревянный подло-*

котник.)

Тереза. Ну, а у меня, по-твоему, счастливый вид?

Тард. У тебя? Ох, ты такая странная. Я уже давно не пытаюсь понять, когда ты довольна, а когда нет.

Тереза. Как ты думаешь, папа, если бы я ехала сюда с намерением быть счастливой, заставила бы я тебя приехать со мной?

Тард. Разве тебя не могло потянуть к радостям в кругу семьи, как других женщин, доченька?

Тереза. Не прикидывайся дурачком. Ты не так глуп. Тебя не удивляет, что я захотела взять тебя с собой? Когда, выпив на ночь последнюю рюмку коньяку, ты ложишься в свою постель с балдахином, ты не задаешь себе никаких вопросов?

Тард. Ты ведь знаешь, я не любопытен... Ты хотела, чтобы я приехал, — я приехал. И вообще, после ужина я засыпаю в два счета.

Тереза. И тебя но удивляет, что я подстрекала тебя к развязным выходкам и непристойностям?

Тард. Минутку, минутку... Не надо преувеличивать. Я не совершал никаких непристойностей.

Тереза. Совершал, папа. А мне хотелось кричать, и я до крови кусала себе губы, чтобы не расплакаться.

Тард. Черт возьми! Так почему ты мне не сказала, малышка… Знаешь, когда я в ударе, меня заносит… заносит… Я не отдаю себе отчета…

Тереза *(закрыв глаза).* Зачем? Я хотела, чтобы ты зашел еще дальше… Чтобы ты разделся догола на потеху окружающим. Чтобы тебе стало плохо, чтобы тебя рвало с перепою.

Тард *(испуганный нарисованной картиной).* Тереза! У меня волосы встают дыбом! *(Подходит к ней, вдруг кричит.)* Тереза, посмотри на меня!

Тереза. Ну.

Тард. Что бы сказал твой жених, если бы меня вырвало на его ковры?

Тереза. Наверное, ты, а заодно и я, твоя дочь, которая подзуживала тебя, да еще при этом хохотала, стали бы ему так противны, что он вышвырнул бы нас вон.

Тард. Ты этого добивалась? О ужас! Но ведь тогда свадьбе не бывать?

Тереза. Еще бы.

Тард *(не может опомниться).* Ты нарочно хотела сорвать свою свадьбу? Но почему? В конце концов, я как отец требую, чтобы ты объяснила — почему? У меня ум за разум заходит, я должен понять — почему?

Тереза *(ласково).* Это и в самом деле выше тво-

его разумения, папа…

Тард *(рухнув в кресло, потрясенный).* Чудовище! Я произвел на свет чудовище гордыни!

Тереза. Ты считаешь меня гордячкой?

Тард. По материнской линии вся твоя родня жалкие козявки, но в Тардах сидит неукротимая гордыня. Это ты унаследовала от меня, дочурка…

Тереза. Какое было бы счастье, папа, если бы все объяснялось только гордыней.

Тард. А что же это такое, если не гордыня? Какое еще чувство может проявляться так бурно по отношению к человеку, которого не любишь?

Тереза. Откуда ты взял, что я его не люблю?

Тард. Ты что же, думаешь, если бы ты его любила, тебе хотелось бы вселить в него отвращение к нам обоим, и ты заставляла бы родного отца блевать на его ковры?

Тереза. И однако я люблю его, папа.

Тард. Нет-нет. Никогда не поверю. Я тоже любил, дитя мое. Нет, не твою мать, а позднее, другую женщину. Ты теперь взрослая, я могу тебе в этом признаться. Это была арфистка, она некоторое время играла в нашем оркестре. Высокая, стройная…. а шику в ней было… Но я тебе клянусь, что подобные бредни никогда не пришли бы мне в голову… Хотя в известном смысле я по

натуре более страстный, чем ты…

Тереза *(закрыв глаза).* Да, тебе не пришло бы в голову умышленно грубить, делать все назло… Изо всех сил цепляться за свой жалкий бунт…

Тард. Бунт? Какой еще бунт? Объяснись, Христа ради! Ты толкуешь мне сейчас о чем-то очень важном, но делаешь это так, чтобы я ничего понять не мог. Против кого ты бунтуешь? Послушай, дитя мое, растолкуй мне все без дураков. Я ведь знаю, что за народ влюбленные…

Тереза. Против него и против всего, что здесь на него похоже…

Тард. На него похоже? А что же это на него похоже?

Тереза. Его дом — он нарочно встречает тебя вначале так безмятежно и приветливо, чтобы потом ты острее почувствовала: этот дом не для таких, как ты. Вся мебель в доме гонит меня прочь. Когда я прохожу через гостиную одна, я бегу бегом. Каждое кресло попрекает меня за то, что я хочу втереться сюда. И все эти старые дамы на портретах!

Тард. А что, очень благородные дамы, черт возьми!

Тереза. У меня в комнате тоже висят такие портреты. И я каждый вечер прогуливаюсь перед

ними в чем мать родила.

Тард. Глупое ребячество, но, впрочем, вполне безобидное.

Тереза *(подходит к книгам, которые стоят на полках в глубине комнаты).* И его книги, вот они — его книги. Это его друзья. Нет, хуже — сообщники! Это они говорили с ним, они сделали его таким, какой он есть; эти книги знают его лучше, чем я, а я — я совсем их не знаю и не могу с ними бороться. Но пусть я их не читала, я сразу раскусила их!..

Тард. Так за чем дело стало, прочитай их, дочурка!

Тереза *(с несчастным видом).* Вот уже три дня я встаю раньше всех в доме, прихожу сюда и, не открывая ставней, пробую читать... Но со мной они не говорят так, как с ним... Если бы он мне объяснил, — но я не хочу. Пусть они не думают, что я их боюсь! *(Идет вдоль полок, швыряя книги на пол.)* Вот, гляди, что я делаю с его книгами. Гляди, вот из-за этой он плакал, потому что там кто-то уехал в Африку продавать ружья. И вот эти, гляди, он их читает смеется, а я — нет.

Тард *(идет за ней, испуганно подбирая книги).* Детка, детка, ты сошла с ума. Перестань, ты их испортишь. *(Поднимает книгу, читает на ко-*

решке.) Мольер… Что тебе сделал Мольер? Он писал басенки… Тереза! Дитя мое! Тереза, я тебе запрещаю!

Книг падает слишком много, он и сам роняет их — у него не хватает рук.

Тереза *(подходит к отцу и, вырвав у него книги, которые он кое-как подобрал, швыряет их на пол).* Не смей их подбирать. Я хочу, чтобы он увидел их на полу, свои мерзкие книги.

Тард *(бросив последнюю книгу, которая еще оставалась у не в руках, растерянный, рухнул в кресло).* Дитя мое, твои поступки ставят меня в тупик. Как могут безобидные книги…

Тереза *(забившись в угол, среди разбросанных книг, озирается, как затравленная).* Тут все заодно с ним и против меня. Вот письменный стол, где он школьником делая уроки, заданные на лето, а я в это время гоняла по улицам. С виду стол как стол, но это его сообщник… *(Показывает на один из портретов.)* А в этой раме его мать, она умерла, — кажется, могла бы оставить меня в покое. Но я чувствую, даже мертвые с ним заодно.

Тард. Только этого не хватало — вызывать мертвецов!

Тереза. Они ужо рассказывали тебе о его ма-

тери?

Тард. Говорят, премилая была женщина, а уж кротости и благовоспитанности прямо королевской.

Тереза *(с усмешкой).* Вот-вот. А представляешь себе рядом с нею в его воспоминаниях девицу Тард с ее королевской кротостью и благовоспитанностью?.. Ну как, представляешь?

Тард. Погоди-погоди! Во-первых, ты не станешь отрицать, что все твои подруги воспитаны куда хуже, чем ты. Что до твоей кротости, то я, в общем, тоже не вижу…

Тереза *(надвигается на него).* Ах так! Я кротка! Вспомни же, как я была кротка в тот день, когда ты требовал, чтобы я ответила на заигрывания папаши Лебонза.

Тард *(встает, в негодовании).* Ну, знаешь! Нашла время вспоминать! Самая подходящая минута! Да уж, поистине такта тебе не занимать стать! *(В ярости расхаживает по комнате; потом, махнув рукой.)* А впрочем, не забывай, что мы артисты, нам простительны эксцентричные выходки. Мы во всяком кругу на своем месте.

Тереза. Артисты? Неужели ты это говоришь всерьез? Ты слышал хоть раз, как я играю на скрипке? А свою игру на контрабасе слышал?

Неужели после этого ты можешь слушать, как играет он — хотя бы одним пальцем, — и твое сердце не обливается кровью?

Тард. Постой-постой. Ты очень мило играешь, цыпочка, у тебя совсем недурные способности, а я — не забудь, пожалуйста, — занял второе место среди выпускников аркашонского музыкального училища. Не надо зря уничижаться. Мы многим можем утереть нос!

Тереза *(тихо, с улыбкой, полной отчаяния).* Ну что ж, тогда бежим скорое искать тех, кому мы можем утереть нос, потому что здесь… *(Останавливается перед портретом матери Флорана.)* О да! Им легко умиляться, глядя на нее, а ей улыбаться в своей раме… Подумаешь, великий труд явиться в дом настоящей невестой, когда тебе не стыдно и не больно и ничто в тебе не вопиет, и быть мягкой и доброй и всеми любимой…

Быстро входит Флоран в сопровождении Гартмана.

Флоран. Извини, дорогая. Вы уже пили кофе?

Тард. А как же. Нам тут даже пришли сказать: «Хозяин, мол, просил, чтобы вы, не дожидаясь его, чего-нибудь выпили». И мы, само собой, распили по рюмочке…

Флоран. Отлично. Дорогой мсье Тард, вы вчера просили меня ссудить вам фрак.

Тереза поднимает голову.

Тард *(смутившись, оправдывается).* Да, лапочка. Понимаешь, твой жених сказал, что у него много фраков… Вот я и подумал: свадьбу-то играют всего один день, жизнь — штука дорогая!.. А фрак, ведь его не обязательно шить по мерке…

Флоран. Ваши соображения совершенно справедливы, дорогой мсье Тард. Не стоит перечислять их снова. В настоящую минуту фрак лежит на кровати в вашей комнате, а к нему манишки, воротнички и галстуки. Не хотите ли пойти посмотреть, подходят ли они вам?

Тард. Еще бы, еще бы, дорогой мой будущий зятек. Благодарю вас от всего сердца…

Все ждут, что он уйдет.

(*Нерешительно присаживается на кресло под взглядами окружающих.)* Вот только разопьем по рюмочке, и я с радостью…

Флоран *(с улыбкой подходит к погребцу).* Какой напиток вы предпочитаете?

Тард. Я вот минуту назад сравнивал финьшампань с арманьяком и, скажу вам по совести, не

могу решить, что лучше.

Флоран. Превосходно. Вот вам бутылка финь-шампаня, а вот арманьяк. *(Дает бутылки ему в руки.)* Которая рюмка ваша?

Тард *(уклончивый жест).* О, все равно, любая…

Флоран. Ну, скажем, та. Что, если вы сейчас поднимете в свою комнату, примерите фрак и разопьете коньяк без нас?

Тард *(вставая, с достоинством).* Как я должен это понять?

Флоран *(с улыбкой).* Именно так, как вы поняли.

Тард. Если я не ошибаюсь, меня выпроваживают?

Флоран *(против воли улыбаясь).* Вас выпроваживают ровно на одну минуту. В этом вы не ошиблись. Но с вами — две бутылки отменного коньяка. И к тому же вас очень скоро позовут обратно.

Тард *(останавливая его движением, исполненным величайшего достоинства).* Объяснения излишни, я вас понял. *(Делает шаг к двери.)* Но я не обязан по крайней мере сидеть взаперти в своей комнате? Если ваш разговор затянется, могу я пойти пройтись?

Флоран *(выпроваживая его).* Само собой…

Тард *(останавливается).* Да, кстати… поскольку вы так любезны насчет фрака… вы не откажете одолжить мне трость? Я не привык гулять без трости… а свою, как на грех, забыл дома.

Флоран. Трости стоят в прихожей. Возьмите любую. *(Подталкивает его к двери.)*

Тард. Тогда, если позволите, я возьму с набалдашником из слоновой кости, там еще золотой ободок… Она мне как раз по руке… *(Смущенно осекшись.)* С виду, само собой…

Флоран *(торопясь окончить дело).* Превосходно. Она — ваша. Я вам ее принесу. *(Выходит.)*

Тард *(бросается за ним с криком).* Не беспокойтесь! Не утруждайте себя!.. Но Флорин уже вышел. *(Упавшим голосом.)* Но беспокойтесь!.. О, это смешно, зачем он себя утруждает… *(Робко кричит в полуоткрытую дверь.)* Да не ищите же, не надо, мне не к спеху…

Флоран *(возвращается с другой тростью).* Не пойму… Я вчера еще ее видел, а сейчас не могу найти. Может, возьмете пока взамен эту?

Тард *(бормочет).* Я объясню… Я так и предполагал, что вы не откажете… Она в моей комнате.

Флоран *(рассмеявшись, подталкивает его к двери).* Тем лучше. Живо идите к себе.

Тард уходит.

Тереза *(после ухода Тарда).* Что случилось? Почему ты его прогнал?

Флоран. Случилось вот что, Тереза. Сегодня утром я получи; анонимное письмо. Вот послушай, узнаешь этот стиль? *(Читает.)* «Я пишу вам письмо, потому что хочу сообщить кое-что важное насчет той, кому вы хотите дать свое имя…»

Тереза. Ну и что?

Флоран. Письмо принес мальчик из буфета при вокзале, где отправитель ждал встречи со мной. Ты сама понимаешь, что я только посмеялся, над этим посланием. Но так как я не хотел, чтобы кто-нибудь тебе докучал, я послал на вокзал Гартмана. Он обнаружил там твою приятельницу из оркестра — девушку, что играла на второй скрипке, и, по-моему, сделал очень умно, приведя ее сюда. Хочешь с ней поговорить или хочешь, чтобы я сразу отправил ее восвояси?

Тереза. Хочу с ней поговорить.

Флоран. Прекрасно. Сейчас я ее приведу. *(Уходит.)*

Гартман *(подходит к Терезе).* Обнаружив эту девушку в привокзальном буфете, я проявил некоторую нескромность. Я не отправил ее домой, как мне поручил Флоран, а напоил ее и задал ей кое-какие вопросы.

Тереза смотрит на него.

Впрочем, ничего особенного она мне не сказала, но только у меня создалось впечатление, что не она сама придумала всю эту историю с анонимным письмом. Кто-то вызвал ее сюда. *(С улыбкой смотрит на Терезу и вдруг берет ее за плечи.)* Тереза, вы уверены, что не собираетесь совершить сейчас большую глупость?

Тереза *(вырываясь).* Я не понимаю, о чем вы. Оставьте меня.

Гартман. Милая моя Тереза! Посмотрите мне прямо в глаза. Я не знаю в точности, какой злой дух одолевает вас в данную минуту. Но кое о чем догадываюсь. Не пожимайте плечами, может статься, в один прекрасный день вы поймете, что в здешнем доме я один имею право вести с вами такой разговор.

Тереза вырвалась от него.

(*Вновь берет ее за руку; ласково, но твердо.)* Тереза, вы любите Флорана. Это правда. И это главное. Ваше счастье — перед вами. Ухватитесь же за него обеими руками и выкиньте из головы все эти глупые бредни.

Тереза. Это не глупые бредни…

Гартман. Глупые, дружок… Я умышленно

назвал их так. Я хотел вывести вас из себя… Послушайте меня, Тереза… Если вам хоть раз будет больно в этом доме не оттого, что вы порезали палец или ушибли локоть, или если вы хоть раз заплачете не оттого, что чистите лук, — все это будут бредни, горести, высосанные из пальца… Вы забыли, что находитесь в обители счастья, где горестям места нет… Владелец этой обители приоткрыл вам навстречу дверь. Не делайте глупостей. Входите не мешкая.

Тереза. Я не хочу вас слушать, вас и ваши красивые слова. И вообще, чего вы суете нос, куда не надо? Что вам за охота путаться в чужие дела? Неужели вы не можете оставить меня в покое?

Гартман *(улыбаясь).* Оставить вас в покое, Тереза? За шесть дней я не сказал с вами двух слов…

Тереза. Еще бы, вы сидите и попыхиваете своей трубкой, разве я не вижу, что вы все замечаете, все наматываете ус. Это мои горести, вот и оставьте их мне. Расхлебывайте лучше свои, если они у вас есть.

Гартман *(держа ее за плечи, испытующе глядит на нее.)* Я старый эгоист, Тереза, на моих глазах погибло не мало людей, а я пальцем не шевельнул, чтобы им помочь. Но, как видно, вы пришлись мне по душе, потому что на сей раз я

считаю слишком нелепым безучастно глядеть, как вы спасаетесь от своего счастья.

Тереза *(вырывается от него).* О, как вы все противны мне вашей болтовней о счастье! Можно подумать, что на свете куда ни глянь — всюду одно счастье! Ну так слушайте. Да, я хочу спастись от этого счастья. Да, я не хочу, чтобы оно меня сожрало живьем. Я хочу по-прежнему мучиться, страдать, вопить от боли! Чудеса в решете — верно? Вам этого не понять — верно?

Гартман *(тихо).* Откуда вам это знать, Тереза?

Входит Флоран с Жанеттой.

Флоран. Войдите, мадемуазель. Вот твоя подруга, Тереза. Мы оставим вас вдвоем.

Тереза. Нет, не уходи.

Женщины пристально смотрят друг на друга.

(*Наконец, нарушает молчание.)* Ну, чего же ты — говори. Ты прислала анонимное письмо. Ты хотела говорить — говори. Что ты хотела сказать?

Жанетта молчит.

Может, хочешь остаться с ним вдвоем? Тебе небось стыдно при мне? Ладно, я выйду.

Флоран *(удерживает ее).* Нет, Тереза. Теперь

мой черед тебя удержать. Ты должна остаться. Я не хочу ничего слушать без тебя.

Тереза. Ты же видишь, она боится. При мне она не станет говорить.

Флоран. Ну что ж, не станет так не станет. Да и так ли уж необходимо, чтобы она говорила?..

Тереза. Да. Я хочу. Пусть скажет то, что собиралась сказать. Я хочу, чтобы ты знал все, Флоран. Ну, говори же. Теперь я прошу тебя — говори. Ты что, онемела? Говори!

Жанетта. «Говори», «говори», а чего говорить-то? Говорить то, что ты велела говорить, или то, что не велела говорить?

Флоран. То есть как это?

Жанетта. Приехать я приехала, а сказать мне нечего. Ищи себе другую, милочка. *(Повернувшись к Флорану.)* У вас есть машина отвезти меня на станцию?

Тереза. О нет! Так дешево ты от меня не отделаешься. Думаешь, я тебя так и отпущу? Ты явилась, чтобы что-то сказать, голубушка, вот и говори.

Жанетта. Ты взбесилась, Тереза. Отстань от меня.

Флоран. Тереза, по-моему, пусть она лучше уедет.

Тереза. Нет! Я хочу, чтобы она сказала. Пусть

выложит все свои гнусности, а не держит их за пазухой. Посмотрите на нее, как она вырядилась, посмотрите на ее крашеные патлы, да ей даже говорить не нужно, здесь уже запахло непотребством от нее самой, от ее дешевой пудры, от сигаретки, зажатой в зубах… Валяй, Жанетта, валяй, подружка девицы Тард, выкладывай. *(Трясет ее.)* Ну, чего ты ждешь, раз за этим пришла? Раз я сама тебя прошу. Боишься, что ли?

Жанетта. Не боюсь. А уж если хочешь знать, мне противно. Не хочу, чтоб на меня возводили напраслину. *(Вдруг Флорану.)* Может, я и завидовала, как все, что ей привалило такое счастье и вы ее увезли, но одно дело — завидовать, а другое — прийти да так вот нагадить… Это она вызвала меня.

Тереза. Дура, дура!

Жанетта. Обещала оплатить проезд да еще дать триста франков впридачу.

Пауза.

Флоран *(поворачивается к Терезе).* Зачем ты вызвала сюда эту девушку?

Тереза. Чтобы она поговорила с тобой.

Флоран. А что ты просила ее сказать?

Жанетта. Ох, мсье, такую мерзость…

Флоран (принужденно смеясь). Что это еще за выдумки? Что ты просила ее сказать?

Тереза не отвечает.

(*Оборачивается к Жанетте, берет ее за руку.)* Что должны были мне сказать? Ну скажите же наконец, раз вас просят.

Жанетта *(вырываясь).* Нечего мне руки выворачивать! Мне что, мне не жалко сказать, если вам так хочется… Я для этого три сотни километров отмахала… Она написала, чтобы я приехала и сказала вам, что она была любовницей Госты…

Флоран *(отпускает ее). Госты…*

Жанетта. Ну да, жила с любовником своей матери… Уж не посетуйте, мсье.

Флоран *(обернувшись к Терезе).* Это чудовищно. Зачем ты затеяла?

Тереза. Ты слышал, слышал? Уж вы не посетуйте, как говорит. Теперь что, теперь от этого толку мало, раз знаешь, что я сама вызвала ее сюда, но все равно, я хотела, чтобы она произнесла эти слова, чтобы ты услышал здесь, в своем доме, и чтобы твоя мать на портрете услышала, и все эти старые дамы, и эти кресла, и твой дом, и парк, и твои розы, и твой старый садовник, которого я ненавижу, и твои старые няньки, и твои книги,

твои мерзкие книги.

Жанетта *(поднимает одну из книг).* Да-а, книги тут, я вижу, ногами топчут.

Флоран замечает книги на полу, смотрит на Терезу.

Тереза. Это я их разбросала.

Флоран. Почему?

Тереза. Просто так.

Флоран *(взяв ее за плечи).* Тереза! Я хочу, чтобы ты мне объяснила, почему.

Тереза. Можешь стискивать меня своими ручищами, можешь делать мне больно, все равно не скажу, почему. Я хотела, чтобы ты услышал то, что я просила эту дуру сказать тебе, а она взяла и все испортила. Я хочу, чтобы ты знал, что я разбросала твои книги, что я каждый вечер, проходя здесь, плюю на портрет твоей матери, что я нарочно привезла сюда отца, нарочно позволила тебе давать ему деньги, нарочно подпаивала его и подбивала петь похабные песни, — но почему я это делаю, почему я ненавижу вас всех, я тебе никогда не скажу, раз ты не смог понять сам!

Флоран *(потрясенный).* Тереза, но этого не может быть... Мы еще недавно были счастливы... Что с тобой?

Тереза. Ты был счастлив, а я — нет.

Флоран *(шепотом).* Это ужасно…

Тереза. Да. Ужасно.

Флоран. Но ты вся дрожишь.

Тереза. Да, дрожу. Дрожу, потому что я одна здесь не умею улыбаться, я одна здесь — грязная и несчастная, я одна знаю, что такое стыд.

Флоран. Но почему ты несчастная, почему тебе стыдно?

Тереза. Можешь не спрашивать, я не отвечу. *(Бросается на диван.)*

Флоран смотрит на нее в растерянности, не смея приблизиться к ней.

Гартман *(отводит Жанетту в сторону).* Послушайте, вы спрашивали о машине?

Жанетта. Да, но мне надо перед отъездом поговорить с глазу на глаз с Терезой. Пусть она на меня плюет, пусть гоняет задарма за три сотни километров, но еще платить за это из своего кармана я не согласна.

Гартман *(вынимает бумажник и берет Жанетту под руку).* Пойдемте. Этот вопрос я улажу сам.

Жанетта. Вот это по-честному. *(Обернувшись.)* Прощай, Тереза, и послушай меня, не ломайся… У тебя хорошее место, держись за него. *(Выходя,*

Гартману.) Ах, мсье, будь на ее месте я!..

Гартман. Да, но что поделаешь — это не вы…

Оба уходят. Тереза лежит на диване, спрятав лицо.

Флоран *(шепчет, стоя возле нее).* Ты страдала, любимая, а я ни о чем не подозревал. Бедная моя глупышка! Хотела, чтобы я поверил, будто ты живешь с любовником своей матери!.. Подумать только, что насочиняла! С любовником собственной матери!.. Нет уж, будь я на месте маленькой дурочки, которая во что бы то ни стало хочет доказать всему миру, что у нее душа чернее сажи, я бы сочинил что-нибудь более правдоподобное.

Приподнявшись на локте, Тереза смотрит на него, хочет что-то сказать, потом молча, устало опускается на диван.

(*Садится рядом с ней.)* И ты вообразила, что я позволю тебе горевать и скрывать от меня причину своего горя? Ты вообразила, что я позволю хоть одной-единственной горести угнездиться в твоей душе? *(Обнимает ее.)* Посмотри на меня. Я не верю в твои горести — это фантазии, и я сильнее их. *(Приподняв ее, смотрит ей в глаза.)*

Она отворачивается.

Разве ты не видишь, что я сильнее всех горестей на свете. Посмотри мне в глаза.

Тереза не двигается.

(*Трясет ее, пытается заглянуть ей в лицо.)* Во-первых, что ты тут сказала о моем доме? Ты чувствуешь себя в нем несчастной и одинокой? И книги мерзкие. Почему мерзкие? Эти мерзкие книги научили меня ждать тебя и любить с тех пор, как мне минуло двадцать лет. Когда ты их узнаешь, ты полюбишь их, как я. Они будто специально для тебя написаны. *(Подбирает книги.)* А ну-ка, давай наведем порядок в этом доме. Я уверен, что ты невзлюбила их только потому, что вы еще мало знакомы. Сейчас я вас представлю друг другу. *(Хочет взять ее за руку.)* Дай мне твою руку, встань, я представлю тебя моему дому, Тереза.

Тереза прижимается к дивану.

Нет? Ты не хочешь встать? Знакомиться лежа не очень вежливо. Впрочем, я уверен, что мой дом тебя извинит. Старые деревенские дома на редкость добродушны. *(Он говорит шутливо, но в то же время растроганно, словно обращаясь к ребенку, и при этом все время гладит ее по голове.)* Итак! Господа деревья, господа серые стены, и вы,

господа кресла, — потому что, по-моему, тут не обошлось и без вас — я прошу вас извинить эту девушку, она немножечко хандрит, потому что не знает, с какой стороны к вам подойти, чтобы вас полюбить. Наверное, и вы все напустили на себя слишком большую важность. А вам не следовало ее отпугивать. Она наверняка не лежала бы на диване, уткнувшись в него носом, если бы ты, дорогой мой дом, объяснил ей, что издали ты похож на замок, но, когда приглядишься, видишь, что твои стены сверху донизу испещрены зверьками и человечками; это мальчишки, много поколений мальчишек исцарапали тебя перочинными ножами. А вы, кресла! Вы должны были объяснить ей, что вы совсем не такие страшные, какими кажетесь с виду, и к тому же вас даже нельзя отнести ни к какому стилю! А вы, прадедушки и прапрадедушки в рамах! Что это вам вздумалось хитрить! Неужели только потому, что одна она во всем доме не знает, что никто из вас пороха не выдумал? А ты, мама, как же ты позволила ей плевать на твой портрет и не объяснила ей, что, наоборот, она должна была бы тебя полюбить… Значит, ты не сказала ей, что она похожа на тебя? Она страдала, мама, а ты ей ничего не сказала! Ты, которая умела врачевать любое

горе, ты не нашла для нее ни слова утешения?.. Я просто не узнаю тебя, мама! Ты бы хоть спела ей песенку, которой убаюкивала меня на ночь…

Тереза *(не шевелясь, начинает вдруг петь во все горло голосом хриплым от слез, зарывшись лицом в подушки дивана).*

«У Нинон
Пропал тромбон.
Где же он?
Ах, Нинон,
Где твой тромбон…».

(*Замолкает, задохнувшись от рыданий.)*

Флоран. Что ты поешь?

Тереза *(закрыв лицо руками).* Песенку моей матери.

Флоран. Зачем ты поешь эту чепуху?

Тереза. Потому что моя мать — женщина грубая и равнодушная, потому что я стыдилась ее, а она меня била… *(Ее слова снова обрывает рыдание.)*

Флоран *(кричит).* Ты плачешь! *(С силой поднимает ее.)* Тереза… девочка моя!

Ее лицо залито слезами, встав, она пошатнулась.

(*Трясет ее и кричит с испугом.)* Тереза!..

Тереза. Прости, я дура. Дай мне платок. Я не буду больше плакать. Плакать глупо.

Флоран. Почему ты плачешь? Я тебя люблю, все здесь тебя любят. Здесь все добры и радушны, и все хотят сделать тебя счастливой.

Тереза молчит, закрыв глаза.

(*Кричит.)* Тереза! Не прячь от меня глаза! Посмотри на меня, я сумею тебя утешить. Я думал, что это опять детский каприз, как неделю назад, когда они вообразили, будто ты выходишь за меня из-за денег. Это был такой вздор, что я не придал ему значения. Но, значит, дело не только в этом, Тереза?

Тереза *(жестом останавливает его, тихо).* Послушай. Ты должен меня отпустить. Больше я ни о чем не прошу.

Флоран порывается что-то сказать.

(*Снова его останавливает.)* Ты видишь, я не кричу, не устраиваю сцен. Ты должен меня отпустить.

Флоран *(делает шаг к ней).* Тереза, ты сошла с ума!

Тереза *(отступает, точно боится его).* Не при-

касайся ко мне!

Флоран. Дай, я обниму тебя крепко-крепко. Обниму и вылечу тебя.

Тереза. Нет, мне сейчас слишком больно. Ты должен меня отпустить. Ты не знаешь, что это такое, и никогда не узнаешь. Это клокочет, бурлит и вдруг вырывается наружу… Дай мне уйти отсюда без сцен, без слез, пока у меня еще есть силы. Пожалуйста, я прошу тебя по-хорошему, если я останусь здесь еще немного, я сойду с ума…

Флоран. Я ни за что тебя не отпущу.

Тереза. Так надо, Флоран, ты должен… Ничего не говори, я поднимусь к себе, а ты, как всегда, пойдешь работать. А вечером ты заметишь, что меня нет, и даже не будешь точно знать, когда я уехала, тогда нам не придется больше ни о чем говорить. Разговоры — это больнее всего.

Флоран. Но объясни по крайней мере, в какую минуту я обидел тебя, не то я сам сойду с ума…

Тереза *(с беспомощным жестом, как маленький ребенок).* Не могу…

Флоран. Нет, ты должна объясниться. Я не выпущу тебя из этой комнаты, пока ты мне не объяснишь.

Тереза *(качает головой).* Не надо, пожалуйста, отпусти меня… *(Смотрит ему прямо в глаза и*

добавляет жестко.) Если ты меня любишь.

Флоран *(спокойный, уверенный в себе).* Я тебя не отпущу, именно потому, что люблю тебя, и потому, что ты тоже меня любишь, я в этом уверен. Не знаю, что за гордыня и злоба искажают сейчас твое лицо. Но я уверен, что это сорные травы, они пьют из тебя соки, но не имеют с тобой ничего общего. Ты можешь их одолеть. Я вырву их одну за другой.

Тереза *(вдруг с криком отбегает от него).* Но ты же слышишь я прошу тебя молчать! Мне стыдно, стыдно, что я такая, но я навсегда останусь такой. Когда же вы все наконец оставите меня в покое? *(Вся дрожа, забилась в кресло.)*

Флоран *(осторожно подходит к ней).* Прости меня, любимая. Я сделаю тебе больно. Но я должен спасти тебя от тебя самой. Что-то гонит тебя сейчас от меня и моего дома, но я уверен, что другие силы удерживают тебя здесь. Эта борьба раздирает твою душу, потому-то ты плачешь и дрожишь. Но не думай, что я буду глядеть на это сложа руки. Я говорил тебе, что люблю драться… Посмотри-ка на меня и если смеешь — говори. Может, после этого я тебя отпущу. *(Силой заставляет ее поднять голову.)*

Тереза смотрит на него, задыхаясь.

Не опускай глаз. Ты ведь чувствуешь сама — я сильнее тебя и всех твоих горестей.

Тереза отстраняется от него как можно дальше, так что голова ее упирается в спинку кресла, и со страхом смотрит в ясные глаза, которые впились в нее. Она уже готова опустить взгляд, готова уступить, но в эту минуту входит ее отец.

Тард *(во фраке и цилиндре).* Побоку запреты! Мне невмоготу! Полюбуйся на своего отца, дочурка, а? Какова осанка?

Флоран *(выпрямившись, двинулся к нему).* Сию же минуту убирайтесь вон!

Тереза *(тоже бежит к Тарду и повисает у него на руке).* Нет, папа, не уходи! Ты мне нужен!

Флоран. Отпусти его, Тереза. Пусть он уйдет.

Тереза. Нет, не отпущу, не отпущу. О, как я рада, что ты пришел, папа!.. Теперь я спасена, ты здесь, ты здесь!

Флоран. Я прошу вас, уйдите. Вы же видите, вам тут нечего делать!

Тереза *(изо всех сил вцепившись в Тарда).* Я не хочу, чтобы он уходил!

Флоран *(схватив его за другую руку).* Говорю вам — убирайтесь!

Тереза. Папа, останься!

Тард. Видишь ли, доченька, мне начинает казаться, что я здесь лишний…

Флоран. Да-да, вы здесь лишний. Уходите!

Тереза. Нет, папа, ты мне нужен, останься!

Тард. Видишь ли, если это всерьез… как-то некстати… в этом костюме.

Тереза. О нет, папа, останься… и в этом костюме — тем лучше. *(Прижимается к нему.)* Папа, дорогой папочка! Как хорошо, что ты такой грязный, такой смешной и вульгарный!..

Тард. Э, позволь-позволь, дочурка… Я понимаю, что ты шутишь, но все-таки не забывай — я твой отец!

Тереза *(кричит с каким-то зловещим торжеством).* О нет, я не забуду, папа! Я твоя дочь! Дочь жалкого человечка с грязными ногтями, обсыпанного перхотью! Он любит произносить благородные слова, но пытался продать меня всем встречным и поперечным с тех самых пор, как на меня стали заглядываться мужчины…

Тард *(с достоинством).* Что ты болтаешь? Я тебя просто не понимаю. *(Флорану.)* Она сама не знает, что говорит.

Тереза. О нет, папа, я но забыла, что ты мой отец! Я не забыла ни одного из гнусных секретов,

которые связывают меня с тобой крепче, чем любовь. Если бы ты знал, как дороги мне сегодня эти секреты, какую службу они мне сослужат! О, нам хорошо вдвоем, папа! Мы понимаем друг друга, так? Нам стыдиться друг друга нечего, мы ведь одной породы — верно?

Тард. Само собой, детка, само собой… *(Флорану.)* Не понимаю, что с ней…

Тереза *(Флорану).* Ты молчишь? Чувствуешь, что я теперь далеко от тебя и прилепилась к нему… Ты тащил меня за собой, ты ведь сильный, а я билась головой обо все придорожные камни… Но теперь я вырвалась от тебя. Ты меня больше не настигнешь.

Флоран. Тереза, ты барахтаешься, рвешься, но ты не вырвалась от меня.

Тереза. Нет, Флоран! Теперь, когда я дошла до отчаяния, я вырвалась от тебя. Я теперь в таком мире, где ты никогда не бывал, тебе туда не пройти и за мной не угнаться. Ведь ты не знаешь, что значит страдать и упиваться своим страданием… Ты не знаешь, что значит чернить себя, марать, вываливаться в грязи… Тебе незнакомы никакие человеческие страсти, Флоран… *(Смотрит на него.)* Морщинки — какая забота провела их на твоем лице? Ведь ты никогда не знал настоящего

горя — горя, которого стыдишься, как гнойника. Ты никогда не испытывал ненависти — это видно по твоим глазам, — ненависти хотя бы к тем, кто причинил тебе зло.

Флоран *(все еще спокойный, с просветленным взглядом)*. Да, Тереза. Но я не отчаиваюсь. Я уверен, придет день, когда я и тебя научу забыть, что такое ненависть.

Тереза. Как ты уверен в себе!

Флоран. Да, я уверен в себе и в твоем счастье, которого я добьюсь, если надо, против твоей воли!

Тереза. Какой ты сильный!

Флоран. Да, я сильный.

Тереза. Ты никогда не знал, что такое бедность, уродство, стыд. А я — я готова была часами петлять по улицам, только б лишний раз но спускаться по ступенькам, потому что у меня были дыры на коленках. Я бегала по чужим поручениям, была уже большая и, улыбаясь, говорила «спасибо», но стыдилась, когда мне давали на чай. Ты никогда не был на побегушках у чужих людей, никогда не разбивал поллитровку и потом не замирал от страха, боясь признаться в этом.

Тард. Вот ведь приспичило вспоминать всякую ерунду!

Тереза. Да, папа, приспичило!

Флоран. Я никогда не был бедным, Тереза. Но это не моя вина.

Тереза. Все не твоя вина! И ты никогда не болел. Я уверена. А у меня была золотуха, чесотка, сыпь — все болезни бедняков. И хозяйка заметила это и линейкой раздвигала мне волосы.

Тард *(в отчаянии).* Тьфу ты, и золотуха туда же!

Флоран *(качая головой).* Я буду бороться, Тереза, я буду бороться, и я одолею все беды, что тебе причинила нищета.

Тереза *(насмехаясь).* Ты будешь бороться! Бороться! Ты готов с улыбкой вступить в борьбу с чужими страданиями, потому что не знаешь, что такое страдать. Страдание окутывает тебя, как мантия, и кое-где прилипает к коже. Если бы ты изведал, что такое злоба, трусость или слабость, ты бы тысячу раз подумал, прежде чем прикоснуться к этой кровавой мантии. Ох, каким нужно быть осторожным, чтобы не задеть бедняков… *(Берет отца за руку.)* Живо, папа… Надевай свой цилиндр. *(В упор, Флорану.)* А теперь будь любезен, дай нам пройти.

Флоран *(преграждая ей путь).* Нет, Тереза.

Тереза *(дрожа, глядит ему в глаза).* «Она пре-

лестна», — я слышала, как вы переговаривались с Гартманом. «Прелестна». Ты ведь не ждал от меня этого, а? Лицо, искаженное ненавистью, крикливый голос и все эти мерзости. Я, наверное, сейчас безобразна, как сама нищета, не так ли? Не говори — нет. Ты побледнел. Побежденные страшны — верно?

Флоран. К чему ты говоришь эти дурацкие слова? Какая же ты побежденная? А уж я-то совсем не победитель.

Тереза. Ты — богач. Это еще хуже. Победитель, который выиграл сражение без боя.

Флоран *(кричит в отчаянии).* Зачем ты вечно попрекаешь меня богатством? Что я должен с ним сделать?

Тереза. Ничего, Флоран. Если даже ты выбросишь все свои деньги за окно, на ветер, смеясь, как ты смеялся на днях, мое горе не развеется вместе с ними… Пойми, ведь ты богат не только деньгами, ты богат домом, в котором протекло твое детство, долгой, безмятежной жизнью, которую прожил ты и твои деды и прадеды… Ты богат радостью жизни, во имя которой тебе никогда не приходилось ни нападать, ни защищаться. И еще ты богат своим талантом. Видишь, сколько всего тебе пришлось бы побросать за окно… Но

только не воображай, что ты чудовище. Гартман зря назвал тебя так. Ты заставил меня страдать, но ты добрый. Понимаешь, ты не виноват, просто ты ничего не знаешь. *(С минуту глядит на него, и вдруг ее захлестывает гнев. Кричит, наступая на него.)* Ты ничего не знаешь! Раз уж я решила выложить все начистоту, как служанка, которой дали расчет, я еще раз крикну тебе в лицо: вот что для меня горше всех мук. Ты ничего не знаешь! Такие, как ты, ничего не знают! Вам повезло — вы можете ничего не знать. Ох, мне кажется нынче вечером во мне клокочет все отчаяние, от которого веками сжималось сердце обездоленных, когда они вдруг замечали, что счастливые люди ничего не знают, и нет никакой надежды, что узнают хоть когда-нибудь! Но сегодня ты узнаешь, узнаешь, если не о других, то хоть обо мне. А ну-ка, папа, расскажи ему, если у тебя хватит духу, про все низости, все гнусности, о которых он ведать не ведает и которые наделили печальным опытом меня, хотя я моложе его. Ну же, ну, рассказывай, не стесняйся… Расскажи обо всем. О том, как мне было девять лет, и нашелся старый господин, который был так добр…

Тард. Она сошла с ума. Это был друг дома. Она сама не понимает, что говорит…

Тереза. Расскажи ему еще, как мама, бывало, напьется и блюет, а я за ней убираю…

Тард. Да замолчи ты! Дитя мое… ты меня убиваешь!

Тереза. А он хотел, чтобы я полюбила его мать, — представляешь! Он хотел, чтобы я не плевала каждый вечер на портрет этой улыбающейся дамы… Чтобы я умилялась сказочкам о ее розах… Бедняжка, в этих розах прошла вся ее жизнь… Но это не все, это еще не все… Выложи ему остальное, это будет эффектно под занавес. Скажи ему, что не такая уж это чушь то, что должна была рассказать Жанетта, и мама не раз подбивала меня уступить Госте, чтобы удержать его при себе.

Тард *(в сердцах).* Ну этого я никогда бы не допустил!

Тереза. Верю, папа. Тогда лучше расскажи ему, как в пятнадцать лет — какое там — в четырнадцать у меня уже был любовник…

Тард. Замолчи, я тебе говорю! Не слушайте ее!

Тереза *(кричит).* В четырнадцать лет у меня был любовник!

Тард *(становясь перед нею).* Тереза, хватит!

Тереза *(отталкивая его, продолжает кричать Флорану).* Слышишь, в четырнадцать лет у меня

был любовник! Это был мальчишка, которого я даже толком не знала. Я уступила ему без любви, и не потому что была порочной, а так, по безропотности и покорности, которые ты тоже не поймешь. Я была с ним всего один раз. И забеременела. Когда я это обнаружила, его давно след простыл. А я избавилась от последствий сама… одна, в своей комнате…

Тард *(бросаясь к ней).* Дочка!

Тереза *(отстраняя его, кричит в упор Флорану).* Сама… и ползала на четвереньках, истекая кровью…

Тард *(снова хватая ее).* Дочка, я тебе запрещаю!

Тереза *(отталкивая его)….*и кусала все, что попадало под руку, чтобы не кричать! Ну вот, видишь! Я сказала, сказала! До сих пор я не говорила никому. Теперь все. Теперь я никогда не осмелюсь поглядеть тебе в глаза. *(Бросается в кресло, без сил, закрыв лицо руками.)*

Тард *(вспылив, с искренним возмущением).* Ну ото уж слишком! Слишком. Я старый человек, и жизнь порой хватала меня за горло. Приходилось кое-чем поступаться, иной раз, может, больше чем следует, но рассказывать об этом вот так, при всех, кричать об этом на весь дом, чуть ли не

хвастаться этим — ну нет! Никогда! Слышишь, никогда твой отец не позволил бы себе такого!

Пауза.

Флоран *(застывший, бледный, каким-то чужим голосом).* Что я должен сделать, Тереза?'

Тереза. Не гляди на меня и дай мне уйти, если у тебя осталась хоть капля любви ко мне. *(Встает и не оборачиваясь идет к двери.)* Идем, папа.

Тард *(уходя, Флорану).* Я еще раз прошу прощения за эту сцену, которая меня оскорбляет и унижает, но я здесь ни при чем. Вам-то я могу сказать как мужчина мужчине: мало ли что в жизни случается, но делать — это одно, а говорить об этом вслух — другое... *(Кланяется и выходит следом за Терезой.)*

Гартман *(быстро входит).* Я только что столкнулся с Терезой — она бежала по лестнице к себе в комнату.

Флоран *(по-прежнему устремив невидящий взгляд в пространство, тихо, не шевелясь).* Она погибла.

Гартман. И это говорите вы, Флоран? Я с первой минуты знал, что вам предстоит нелегкая любовь. Вы должны положить немало сил, чтобы все понять. Бегите же за ней, удержите, верните

ее. Она уезжает, Флоран, надо действовать!

Флоран. Я не знаю, что делать. Я растерялся, Гартман.

Гартман. Вы растерялись? Что же она могла вам сказать?

Флоран. Я ее не понимаю. Ей здесь все причиняет боль. Мой дом, мои книги, даже память о моей матери.

Гартман *(пожимает плечами).* Неужели вы не догадываетесь, что все это повод, и дело только в вас одном?

Флоран. Она упрекает меня за то, что я не знал нужды, не знал горя и ненависти. Она стыдится своего отца и нарочно привезла его сюда. Она стыдится своей прежней жизни и вызвала сюда эту девицу, чтобы та взвела на нее грязный поклеп.

Гартман. Помните тот вечер в кафе, когда вы мне описывали Терезу? Я тогда сказал вам: какое счастье, что у девушки, которую вы полюбили, не строптивый, не упрямый, не обидчивый характер.

Флоран. Но почему? Вы считаете, что моя любовь недостаточно сильна, чтобы удержать такую девушку?

Гартман. Флоран, вы похожи на тех богачей, которым всегда не хватает мелочи для нищих…

Вы щедро отдавали себя своему искусству и радости бытия, и они щедрой рукой возвращали вам… Вы сказали, что слишком большого везения не бывает. Теперь вы убедились в противном. Сейчас вы, наверное, поняли, что такое бремя слишком долгого везения… Вы точно властелин былых времен; вам слишком щедро и притом даром было отпущено то, за что мы, грешные, платим дорогой ценой. Что ж, миритесь с участью властелинов: они чувствовали себя чужаками на земле.

Флоран. Но я люблю ее, Гартман!

Гартман. Вот тут вы совершили промах. Властелин должен любить только свое собственное удовольствие.

Флоран. Тут что-то не так. Мы ее не понимаем, Гартман. Не может быть, чтобы она так страдала только по этой причине.

Гартман *(негромко, странным голосом).* Может, Флоран. Поверьте мне, я-то хорошо ее понимаю.

Флоран *(поднимает голову, встречается взглядом с Гартманом и невольно отшатывается).* И вы? Вы тоже собираетесь мне что-то сказать?

Гартман *(тихо).* Когда я познакомился с вами, Флоран, я был уже пожилым человеком и

неловкими пальцами тщетно пытался вызвать отзвук у безответной материи. Я был пожилым человеком, но заблудился в бесплодных поисках небесных голосов, которые вы нашли без всяких усилий, от рождения. *(Пауза. С улыбкой.)* Я не плакал, не кричал. Я ведь не был вашей возлюбленной… Но чувствовал я почти то же, что она. Я вас ненавидел.

Флоран *(шепотом).* Но что на вас обоих нашло? Ведь я не виноват.

Гартман *(выпрямившись, берет погасшую трубку).* Нет, не виноваты. И вот теперь я просто старый антрепренер, я трезво оцениваю свои музыкальные способности и искренне люблю вас. *(Чтобы скрыть волнение, начинает выбивать трубку.)* Забавно, я не думал, что когда-нибудь выскажу вам это… Но пусть вы хотя бы поймете, что нельзя бросать ее в эту минуту, когда она складывает свой убогий скарб и гибнет, гибнет одна-одиношенька.

Флоран. Гартман! Я боюсь, что она посмотрит на меня тем взглядом, каким смотрела в последний раз. Я знаю, через пять минут будет поздно, но что же мне делать? Скажите, скажите вы, что мне делать…

Гартман смотрит на него, делает уклончивое

движение.

(*Повернув к нему искаженное лицо, кричит.)* Я страдаю!..

Гартман. Может, именно это и нужно. Страдать, если вы способны научиться страданию. *(Идет к выходу. На пороге сталкивается с Терезой, одетой к отъезду.)*

Тереза *(монотонно, без всякого выражения).* Вы здесь, Гартман? До свиданья. *(Подходит к Флорану.)* Прощай, Флоран. *(Протягивает ему руку.)* Я не хотела сбежать как трусиха. Я не могу глядеть тебе в глаза, видишь... Не вспоминай обо мне слишком дурно.

Флоран *(бормочет, не двигаясь с места).* Прощай, Тереза... И прости меня. Я не знал...

Пауза.

Тереза *(смотрит на него. И вдруг тихо).* Ты... плачешь?

Флоран молчит.

Ты?.. Плачешь из-за меня? Значит, ты умеешь плакать?.

Флоран *(машинально отирает щеку).* Разве я плачу? Прости пожалуйста.

Тереза *(после паузы, во время которой она*

не двигаясь, не отрываясь смотрела на него). Значит, и ты не всегда счастлив, несмотря на красивые вещи, которые тебя окружают?

Флоран. Нет, как видишь.

Тереза. Значит, ты не всегда уверен в себе? Не всегда уверен в том, что всех одариваешь счастьем? Что все силы неба и земли всегда на твоей стороне?

Флоран. Нет, Тереза, с тех пор, как я знаю, что ты несчастлива, я растерялся, я чувствую себя беспомощным, как отец, у которого ребенок молча чахнет от неведомой болезни… Тебе больно, и это моя любовь причиняет тебе боль, тебе больно, а моя любовь не может тебе помочь. Я изо всех сил стараюсь сделать тебя счастливой, но тебе по-прежнему больно, — а ничего другого я не умею… Ты говорила мне о страданиях, которых я не знаю, а понимаешь ли ты то, что чувствую я?

Тереза *(тихо).* Может, ты хоть разок попробуешь быть, как другие: трусливым, злым, жалким, себялюбивым? Один разок?

Флоран. Не могу.

Тереза. Может, ты попробуешь не добиваться всего сразу, без всяких усилий, а с трудом пробивать себе дорогу, оступаясь, начиная сначала, страдая, стыдясь? Может, ты попробуешь — и мне

станет легче?

Флоран *(снова качает головой, глаза его полны слез).* Я не могу. Вы все меня попрекаете, будто я виноват. Пойми, это очень трудно — научиться не быть счастливым… Раньше я иногда чувствовал себя как бы заколдованным, чувствовал, что мне никогда ни за что не придется платить ни стоном, ни слезинкой… И меня это даже устраивало. Но сегодня вечером я узнал, что страдание — тоже привилегия, которая дается не каждому.

Тереза *(шепчет, плача от радости).* О мой любимый, значит, и ты, ты тоже сомневаешься! Тебе стыдно, тебе больно?.. Значит, ты не настоящий богач… *(Кончиком пальца снимает слезу со щеки Флорана.)* Вот, взгляни, смотри, как она блестит на кончике моего пальца! Что мне до всего остального, если ты заплатил за меня своей слезой. О! Ты плакал, а я складывала наверху свой чемодан. Почему же ты не позвал меня, не сказал, что ты плачешь, — ведь тогда я не была бы так одинока?

Флоран. Я боялся, что ты не поймешь.

Тереза. Правда? Значит, тебе тоже нужно, чтобы я тебя понимала, чтобы я тебе помогла? А я, как дура, хотела уйти и ничего не знала. *(Бросается в его объятия.)* О, скажи, что я тебе нужна! Нужна,

если не как взрослому мужчине, то хотя бы как ребенку, чтобы ты мог есть и ходить… Пусть я буду тебе нужна, чтобы мне было не так плохо.

Флоран. Ты мне нужна.

Тереза. Ведь от этого я тоже была несчастна. У тебя так много всего, что согревает, поддерживает и кормит тебя. А для меня ты один и очаг, и пища, и одежда.

Флоран. Ты мне нужна, Тереза.

Тереза. Больше чем все остальные радости?

Флоран. Больше чем все остальные.

Тереза *(с улыбкой).* Тогда живо зови их всех сюда. Я больше их не боюсь. *(Прижимается к нему, спрятав лицо у него на груди.)* Знаешь, я ведь лгала тебе… Не смотри на меня… с тех пор, как ты увез меня, во мне говорил дух противоречия… Я люблю тебя, люблю таким, какой ты есть. Не старайся быть похожим на других. У меня нет ни друзей, ни дома, ни семьи, но мне теперь все равно. Пусть придут твоя тетя и сестра, я их полюблю от всего сердца. У меня теперь тоже светло на душе, и я богата. Ты мой дом, моя семья, мой господь бог.

Тард *(входит, под мышкой у него плащ, в руках два жалких чемоданчика).* Вот и я. Готово. Бог мне свидетель, это против моей воли, и когда я

запирал чемоданы, сердце мое разрывалось.

Тереза *(обернувшись).* Ах, это ты, папа! Папа, я счастлива, счастлива!

Тард. Черт возьми, после сцены, которую ты здесь закатила, трудно понять, как это ты умудряешься быть счастливой!

Тереза. Я счастлива, папа, потому что ты уедешь один с твоими картонными чемоданами, и я наконец освободилась от тебя!

Тард. Уеду один? Куда?

Тереза. Куда хочешь, папа. Как можно дальше.

Тард *(просительно).* Но на свадьбу я вернусь?

Тереза (с облегчением кричит). Нет, папа!

Тард *(заморгав и как-то сникнув, бормочет).* Но ведь… родной отец, дочурка…

Тереза *(снова кричит безжалостно).* Нет, папа!

Тард *(сам не зная, что говорит).* А ты остаешься?

Тереза. Остаюсь, и мне больше не стыдно, я сильная, я гордая, я молода, и у меня вся жизнь впереди и счастье!.. *(Преображенная, приникает к Флорану.)*

Понурившийся Тард уныло подбирает с пола свои чемоданы.

Занавес

Действие третье

Декорации те же, что и во втором действии. Вечер, но на дворе еще светло. По временам слышны отдаленные звуки рояля. Посреди комнаты стоит Тереза, перед ней на коленях мастерица и ученица примеряют свадебное платье, рядом старшая мастерица… На заднем плане в кресле на террасе вяжет тетка Флорана — г-жа Базен, очаровательная старая дама, вся в кружевах, лентах и драгоценностях. На диване перелистывает журналы сестра Флорана — Мари. В углу, поодаль от всех, курит свою трубку Гартман. На террасе, позади г-жи Базен, три служанки, среди них судомойка, — они смотрят во все глаза.

Пауза.

Г-жа Базен *(служанкам).* Ну, довольно, довольно, поглядели, и будет. Наглядитесь вволю во время свадьбы…

Экономка *(выходя, судомойке, которая в экстазе приросла к месту).* А ты что, не слышишь?

Кому говорят? И вообще с чего это ты без спросу увязалась за нами? Сказано было раз и навсегда: ни под каким видом не суй носа в господский сад. А ну, марш на кухню, да поживее… *(Г-же Базен.)* Простите, мадам, мы не заметили, что она увязалась за нами…

Г-жа Базен. А ведь до сих пор эта девочка всегда знала свое место.

Экономка. В толк не возьму, какая муха ее укусила, — вечно слоняется там, где не положено… Что и говорить, она не чета прежней судомойке… Уж вы извините, мадам, я теперь глаз с нее не спущу. *(Уходит.)*

Г-жа Базен. Через полчаса стемнеет…

Снова пауза.

Старшая мастерица *(одной из своих помощниц).* Немного подтяни шлейф. Вот видите, мадемуазель, в этой комнате сразу можно судить, как сидит платье, а в вашей спальне никогда бы не подогнать все как следует. Только нам надо поторопиться, иначе мы не успеем к поезду десять сорок пять.

Мари *(зевая от скуки).* А я-то ждала вас с таким нетерпением! И вдруг — вы не играете в теннис! Вот досада.

Тереза. Да.

Мари. Будь еще здесь река, на худой конец можно было бы поплавать или заняться греблей. А мне, точно в насмешку, из Англии продолжают пересылать журналы по гребному спорту.

Пауза.

Мастерица. Заколи булавку повыше, Леонтина.

Мари. Вы никогда не бывали в Англии?

Тереза. Нет.

Мари. А я прожила там три года. Училась в великолепном колледже. Знаете, там нравы такие свободные, такие спортивные. Совсем другая атмосфера. И в результате мне не о чем говорить с моими здешними подругами: они все это время держались за юбки гувернанток или маменек. Досадно, что ваши родители не послали вас в Англию. Два-три года по ту сторону Ла-Манша — лучший способ для девушки узнать жизнь.

Тереза *(тихо).* О, не скажите, есть и другие способы…

Мари. Само собой. Но нас, француженок, держат в такой строгости, что мы до самой свадьбы остаемся наивными дурочками. Есть, правда, один путь — конечно, если родители не слишком

старомодны, — работать. Увы, это не всякому доступно.

Старшая мастерица. К несчастью, вы правы, мадемуазель. В этом году господину Лаперузу снова пришлось уволить пятьдесят мастериц.

Мари. О нет, я не об этом. Когда имеешь связи, место всегда найдется. Я говорю о родителях. В некоторых семьях на работу все еще смотрят как на какое-то бесчестье. По-моему, работать восхитительно. А по-вашему?

Тереза *(слабо усмехнувшись).* Как когда. Хорошо, конечно, заниматься тем, что очень любишь, — как Флоран.

Мари. Нет, я говорю сейчас не о людях искусства. Я говорю об обычной работе, о jobь [(англ.) — работа], о должности с хорошим жалованьем в банке, рекламном бюро или страховом агентстве.

Г-жа Базен *(с террасы).* Я всю жизнь работала не покладая рук: то вязала, то плела кружева, то еще что-нибудь придумаю, и мне это всегда было по душе. Я не из тех лентяек, что любят сидеть сложа руки. У меня два садовника, но мне случается и самой подрезать розовые кусты.

Мари. Работа — это, во-первых, превосходное средство самодисциплины и, во-вторых, что

особенно важно для девушки, — это полная независимость.

Тереза. Знаете, те, кто служит в конторе или мастерской, частенько поглядывают на часы.

Старшая мастерица. А у нас, чтобы положить этому конец, господин Лаперуз велел снять все стенные часы в запретил носить ручные. Все делается по звонку.

Тереза *(взяв за подбородок молоденькую ученицу, которая стоит перед ней на коленях).* Скажи-ка ей, что сидеть изо дня в день у господина Лаперуза не такое уж большое развлечение.

Старшая мастерица. Могу вас заверить, мадемуазель, что все мастерицы нашей фирмы довольны своей судьбой и даже очень довольны…

Тереза *(тихо, улыбаясь ученице).* Еще бы.

Г-жа Базен. В мое время мастерицы работали по шестнадцать часов в день. В каком-то смысле они, конечно, стали счастливее, зато в прежнее время им чаще делали подарки. Сколько раз я, бывало, сама дарила портнихам, приходившим шить у меня на дому, платья, которые еще вполне можно было носить. А теперь никому из нас это и в голову не придет — мастерицы не беднее нас с вами. Кто на этом проиграл? Не мы, конечно.

Мари. Я чувствую, что вы на редкость старомодны, дорогая моя Тереза! Как видно, ваш идеал — это девушка-домоседка. Неужели вас никогда не раздражала семейная обстановка?

Тереза *(с улыбкой).* О, у меня случай особый. Моя семья…

Г-жа Базен. Вы правы, Тереза. Не сдавайте позиций! Мари у нас революционерка.

Мари. А как же иначе! Я считаю, что молодая девушка должна работать. Во-первых, в этом есть что-то спортивное, это развлекает, наконец, это даже шикарно, — само собой, если работаешь не из нужды. Что поделаешь, тетя, надо идти в ногу со временем!

Г-жа Базен. Мы тоже так говорили в свое время. Только в ту пору мы требовали, чтобы нам разрешили ездить на велосипедах.

Мари. Дети из буржуазных семей все еще считают себя избранниками божьими. И напрасно. Все мы сделаны из одного теста, и наш общий земной удел — работать.

Старшая мастерица. Совершенно с вами согласна, мадемуазель. Девушка, которая хочет быть современной, должна работать. Только, к сожалению, многие еще не задумываются над этим вопросом.

Тереза *(ученице).* Зато ты, наверно, хорошенько обдумала этот вопрос, и не раз, прежде чем поступить к господину Лаперузу?

Старшая мастерица *(с вежливым смешком).* Вы шутница, мадемуазель… Впрочем, я понимаю, вам наш маленький спор совсем неинтересен. Когда выходишь замуж, это дело другое. У вас дом, семейные обязанности… Но если девушка свободна, как мадемуазель Франс, — она должна работать — в этом я решительно убеждена. Кстати сказать, господин Лаперуз предусмотрел очень простые и изящные ансамбли для девушки, которая служит… В нынешнем сезоне он предлагает две модели: одну для первой половины дня, другую на послеобеденное время. А ведь это вопрос куда более сложный, чем кажется с первого взгляда. Не забудьте, что девушка, которая днем работает, а в семь часов вечера идет куда-нибудь развлекаться, физически не успевает переменить туалет к коктейлю или ужину. Поэтому пришлось создать модель, которая была бы одинаково уместна на службе, в кабаре, в кино и, на худой конец, даже в театре — конечно, не первого ранга. Если вы и в самом деле осуществите ваши планы, мадемуазель, я уверена, что господин Лаперуз охотно пришлет вам с кем-нибудь из наших ма-

стериц эти две модели для ознакомления.

Мари. Благодарю вас, но я собираюсь поступить на работу не раньше осени. На летние месяцы со всех сторон сыплются приглашения, так что пока это просто невозможно, а вот в октябре, если у него появится интересная модель, — буду очень рада.

Старшая мастерица. Я передам ему, мадемуазель. Жанна, поднимите складку повыше.

Мари. Но зато с октября, дорогая тетя, держу пари, я буду работать с утра до вечера не в шутку, а всерьез.

Г-жа Базен. Я всегда говорила, что ты сумасбродка.

Старшая мастерица. Не скажите, мадам. Никто не знает, что нас ждет завтра. В наши дни работа — это не просто приятное времяпрепровождение для бездельников, она стала необходимостью.

Мари. А тетя не хочет этого понять. Она все еще живет довоенными представлениями и не понимает, как зыбко нынче социальное положение каждого. Старые времена канули в вечность, тетя. Теперь мы вынуждены работать.

Старшая мастерица. Увы! До тех пор, пока живы… *(Пауза. Терезе.)* Вы не устали, мадемуазель?

Тереза. Нет.

Старшая мастерица. Теперь уже не долго, но фасон этих рукавов требует особой тщательности. *(Мари.)* И все-таки обидно, если из-за ваших планов вы откажетесь от очаровательного ансамбля для зимнего спорта, о котором я вам говорила.

Мари. О, почему же! Зимой я непременно устрою себе месячные каникулы. Я же не сектантка.

Старшая мастерица. Чудесно. Вы меня успокоили. Я была бы искренне огорчена, если бы его носила другая дама. Честное слово, он прямо создан для вас.

Мари. И главное, знаете, вначале для меня, как и для многих других, снег, лыжи были снобистской прихотью, а теперь я просто не могу без них обойтись! Но если я поступлю на работу, я сама буду оплачивать гостиницу и костюмы. Никто не посмеет проверять мои расходы в Межеве. Сколько захочу, столько и буду тратить.

Старшая мастерица. В этом большое преимущество девушки, которая служит.

Мари. Еще бы! Мастерицы и машинистки в глубине души завидуют нам, но они не ценят своего счастья. Не ценят свободы, которую дают заработанные деньги, свои собственные деньги. Знали бы они, как под предлогом хорошего вос-

питания дочерей в самых лучших французских семьях скряжничают…

Тереза *(ученице).* Теперь понимаешь, как тебе повезло! А ты, верно, и не знала?

Мари. Но это же совершенно ясно! В наши дни полноправная женщина — только та, которая сама зарабатывает себе на жизнь. Возьмите, к примеру, — одна моя приятельница уже почти год работает в банке секретарем-машинисткой. И вот результат: мне так и не разрешили обзавестись собственной машиной, а она собирается купить себе маленький «родстер»!

Тереза. Машинистка? У нее на редкость хорошее место…

Мари. Конечно, она внесет за машину только часть денег. Остальные добавит ее отец.

Тереза. Ах вот оно что.

Мари. Как только она купит машину, она поедет с подругой в Грецию и в Италию, останавливаясь по пути…

Тереза. А как же служба в банке? Неужели ей дадут такой большой отпуск?

Мари. Конечно! Это ведь банк ее дяди. Он даст ей любой отпуск, какой она попросит.

Тереза. Тогда понятно…

Г-жа Базен. И все-таки, девочка, что бы ты ни

говорила, желание работать на других кажется мне нелепостью. Не понимаю тех, кто соглашается, чтобы ими командовали! Что касается меня, я всегда любила быть сама себе хозяйкой.

Старшая мастерица. Понятно, мадам. Вот почему девушки из таких прекрасных семей, как мадемуазель Франс, заслуживают всемерного поощрения и горячей поддержки, — ведь они добровольно отказываются от своих социальных преимуществ, увы, отчасти уже призрачных. Но я уверена, что очаровательные костюмы, которые господин Лаперуз сделал специально для служащих девушек, во многом облегчат для них испытание. По-моему, даже названия моделей прелестны. Одна из них из плотного фая каштанового цвета с короткой накидкой из выдры так и называется «Сорок часов», другая — более нарядная, с блузкой из парчи, очень строгая, темно-синего цвета, единственное украшение — скромная брошь из настоящего жемчуга, называется «Юная синдикалистка».

Г-жа Базен. Странно, как меняется язык. В мое время синдикалистами звали тех, кто пускал под откос поезда.

Старшая мастерица *(поднимаясь с колен).* Ну вот и все. Если вы потерпите еще пять минут,

мадемуазель, будет готова и накидка, и тогда вы сможете судить о туалете в целом. Идемте, девушки. Надо торопиться, иначе мы опоздаем на поезд. *(Направляется к выходу вместе с помощницами.)*

Тереза *(бежит за ними и удерживает за руку ученицу, которая смотрит на нее с удивлением).* Послушай… Извините мадемуазель, я хочу поговорить с этой девочкой.

Старшая мастерица. Пожалуйста, мадемуазель. Мы будем ждать тебя в бельевой, Леонтина. *(Уходит с мастерицей.)*

Тереза *(отводит девочку в сторону).* Тебя зовут Леонтина?

Ученица. Да.

Тереза. Сколько тебе лет?

Ученица. Четырнадцать. Я просто маленького роста. Нас в семье пятеро детей, и я самая младшая…

Тереза. Тебе придется просидеть целый вечер над моим платьем…

Ученица. Подумаешь. Мне не впервой. В этот раз даже интересно, — ехали поездом.

Тереза. Послушай, Леонтина, я хотела тебе сказать, понимаешь, я тоже знаю, что они говорят неправду. Я тоже знаю, как скучно и тяжело

сидеть за работой и как устаешь от нее, когда это изо дня в день... Понимаешь, как бы тебе объяснить... Тебе покажется глупым... Это платье... я надену его всего один раз... а оно дорогое. Год твоей работы у Лаперуза... Послушай. *(В смущении наклонившись к уху девочки.)* Прости меня за мое платье, Леонтина... *(Подталкивает ее к выходу.)* Ступай, ступай теперь... И не смотри на меня так. В общем-то ничего тут забавного нет...

Ученица убегает.

Г-жа Базен *(смотрит на нее поверх очков).* Ужас, до чего худы эти девчонки. Впрочем, меня это не удивляет. Я их наблюдала в Париже. Весь их обед — кофе со сливками и булочка. Они предпочитают потратить деньги на помаду, а не на антрекот. Теперь уж я стара, мне приходится соблюдать диету, но, когда я была молоденькой, я ни за какие блага в мире не отказалась бы от хорошего бифштекса.

Тереза резко поворачивается, точно собираясь что-то сказать, встречается взглядом с Гартманом, который улыбается, покуривая трубку. Она, осекшись, тоже улыбается.

(*Складывая свое вязанье.)* Ну вот, я закончила

еще один ряд. Работа у меня идет медленно. И вечно я спускаю петли: я и прежде-то не была ловкой вязальщицей. Но бедняки так благодарны нам, когда мы вяжем для них своими руками! *(Мари.)* Вот ты все хочешь нас убедить, что тебе надо служить, чтобы иметь больше карманных денег. Но ты же знаешь, если ты согласишься вязать вместе со мной для бедных, я готова платить тебе пятьсот франков за свитер. По крайней мере обе будем делать доброе дело.

Мари вместо ответа пожимает плечами. Чувствуется, что это старый, ни к чему не приводящий спор.

Ну, прямо беда! Нынешние девушки не то, что мое поколение. Они знать не знают, что такое благотворительность. Нас-то приучали болеть душой за сирых и убогих. А теперешняя молодежь? Ей бы только свои удовольствия. *(Встает.)* Пока не стемнело, пойду погляжу на розы. Тут у меня один сорт, очень нежные, я заплатила за них бешеные деньги, и с ними очень много возни. Позовите меня, Тереза, когда будете примерять накидку. Ты пойдешь со мной, дорогая?

Мари *(вставая).* Если хотите, тетя.

Г-жа Базен *(идет к выходу, опираясь на плечо*

Мари). Ты пойми, у этих бедняг зимой всегда не хватает теплой одежды. Если бы ты согласилась вязать вместе со мной, я не пожалела бы и тысячи франков за свитер.

Уходят.

Гартман *(улыбаясь Терезе).* Гм… Кажется, на этот раз мы были на волосок от гневной вспышки…

Тереза *(с улыбкой опускает голову).* Самой мне теперь уже все равно. Мне было стыдно из-за этой девчушки… Я просто глупа.

Гартман *(серьезно).* Вы никогда не бываете глупой, Тереза.

Пауза. Они прислушиваются. Флоран играет за сценой.

Тереза *(шепотом, с улыбкой, полной нежности).* Он хорошо играет. Он счастлив, правда ведь? Я так стараюсь.

Гартман. Он счастлив.

Тереза. Я хочу верить в него, Гартман, хочу верить в них. Я хочу понять, все понять. Прежде я не старалась понять. Я думала: я слишком молода, когда состарюсь — пойму. Я хотела взбунтоваться изо всех сил. А теперь…

Гартман. Теперь?

Тереза *(с улыбкой).* Я стараюсь… *(Пауза.)* Но почему они так милы, так безмятежны и так жестоки, не подозревая об этом?

Гартман. Госпожа Базен всю жизнь прожила в красивых особняках, среди роз и рукоделья…

Тереза. Мари, конечно, и добра и чиста, но в то же время режет, как лезвие. Я ее боюсь.

Гартман. Она только что вышла из своего колледжа, не ведает ни стыда, ни собственной плоти, и голова ее набита новомодными идеями…

Тереза *(с боязливой улыбкой).* А он?

Гартман *(разводит руками).* Он — это он.

Тереза. Вы ведь слышали сейчас их разговор. Они не сказали ни одного худого слова. Они ни разу не обмолвились ни о своих выгодах, ни о своих привилегиях, они уверены, что их рассуждения великодушны и справедливы. Но как все это было бессердечно… Я часто пытаюсь болтать с Мари. Казалось бы, где и найтись общему языку, как не у двух девушек-ровесниц. Смешно, но нам не о чем говорить. Госпожа Базен иногда дает мне житейские советы. А я — я чувствую себя старухой по сравнению с ней и боюсь, как бы ненароком не открыть ей глаза на жизнь.

Гартман *(взяв ее за руку).* Как спокойно вы те-

перь говорите об этом!..

Тереза *(с улыбкой).* Я так надрывалась криком… О, эти шесть дней, эти страшные шесть дней… Иногда мне казалось, что в моей душе какой-то конь взвивался вдруг на дыбы… *(Пауза. Задумалась.)* Он ускакал. Мчится прочь. Он уже далеко… Не стоит о нем жалеть. Это было злое животное.

Гартман. Вы неправы, Тереза. Это был прекрасный конь, черный, гордый и норовистый… Но и жалеть, что вы отпустили его на волю, не стоит: это была плата за ваше счастье. За то постыдное счастье, от которого он рвался прочь изо всех сил, — помните? А я уверен, что это постыдное счастье уже начало обволакивать вас, стало вашей жизнью…

Тереза. Это правда. Мне теперь нужно их тепло, раз они отняли у меня мое… Но какая странная комедия — это их счастье!

Гартман. Придется вам выучить свою роль.

Тереза. Я учу изо всех своих сил. Во мне уже появляется безмятежность и мягкость. Я чувствую себя не такой упрямой, правда, и не такой чистой… Я чувствую, как душевный покой, точно порок, с каждым днем все уверенней разъедает мою душу. Я больше не докапываюсь до сути вещей, я все готова понять, объяснить, ничего не

требую… Конечно, и сама становлюсь не такой ранимой. Вскоре все мои горести расползутся прочь и забьются где-нибудь под камни, а у меня останутся только игрушечные печали — как у них.

Гартман. Вы сказали «вскоре». Значит, еще не все горести расползлись прочь?

Тереза *(опять улыбается).* Тсс! Послушайте, как он играет…

Пауза, музыка.

Как все легко, когда он играет. Я точно змейка, потерявшая свое ядовитое жало… Теперь мне остается только тихонько стареть, слушая, как он играет. Прислушайтесь… Каждая нота водворяет что-то на свое идеальное место… О, какой налаженный и страшный механизм их счастье, Гартман! Все дурное становится злым духом, с ним, улыбаясь, вступают в единоборство, ради упражнения сил, и его всегда сокрушают. Нищета — повод проявить свою доброту и милосердие… Работа, как вы только что слышали, приятное времяпрепровождение для ленивцев… Любовь — безмятежная радость, без порывов, терзаний, сомнений… Послушайте, Гартман, как он играет, не задавая себе никаких вопросов. Я — только

радость среди прочих его радостей. Стоило ему уверовать, что он опутал меня своим счастьем, пролив единственную слезинку, и он отсеял все сомнения. Он уверен во мне, как и во всем прочем. *(Добавляет едва слышно.)* А я далеко не уверена в себе.

Гартман. Он вас любит, Тереза.

Тереза. Я хочу в это верить, Гартман, хочу верить всей душой. Если бы я могла сберечь навеки под стеклом ту слезинку, которую он пролил из-за меня и которую я сняла кончиком пальца… Но она высохла, и у меня ничего не осталось.

Гартман. У вас осталась ваша мука и ваша любовь… Это благая доля.

Тереза. Гартман, моя любовь ему не нужна, он слишком богат!.. *(Выпрямившись, кричит.)* О нет, меня еще не до конца приручили, еще есть вещи, которых я не желаю понимать!.. *(И вдруг удивленно замолкает.)*

Девочка-судомойка медленно проходит по террасе, пожирая глазами Терезу. Видно, что она боится, что проникла туда, куда ей запрещают ходить.

Судомойка *(как только Тереза обернулась, спасается бегством, смущенно бормоча).* Ой,

простите, мадемуазель… Я нечаянно…

Гартман *(подходит к Терезе).* Вы ни разу не замечали ее уловок? Каждый вечер ради вас она пробирается в эту запретную для нее часть сада. Ее могут выбранить и даже прогнать, но целый день она занята на кухне и только вечером на несколько секунд может увидеть вас, налюбоваться вами. Как знать, может, вы для нее сам господь бог.

Тереза. Я? Но это нелепо…

Гартман. Этой бедной судомойке вы должны казаться такой красавицей — вы такая чистая, от вас так хорошо пахнет. Она наверняка страдает из-за вас. Вы ни одной минуты не принадлежите ей, но ведь она не бунтует.

Тереза *(шепотом).* Но, Гартман…

Гартман. Она вас любит. Между тем вы ни разу не сказали ей ни слова, чтобы помочь сохранить веру. И как знать, может, у нее самой где-нибудь во дворе есть собачонка, привязанная к конуре, и каждый вечер она ждет свою хозяйку, чтобы поймать ее взгляд, а та и не замечает…

Пауза. Слышно, как играет Флоран.

Тереза *(тихо).* Спасибо за помощь, Гартман. Но чтобы так любить, надо растоптать всю свою

гордость.

Гартман. Не сопротивляйтесь. Вы увидите, Флоран расточает вокруг себя тысячи маленьких радостей — надо только уметь смиренно принимать их. Мало-помалу в вас совершится странное превращение. Не сопротивляйтесь. Вы начнете думать, как они, вам будет это казаться естественным. Я тоже был человеком, я бунтовал. Но череда безоблачных дней втянула меня в свою орбиту… Вот увидите, мало-помалу вы разучитесь чувствовать боль. И ничего не будете требовать от них — кроме крошечной частицы их радости.

Тереза *(помолчав).* Но ведь это все равно что отчасти умереть.

Гартман. Да, отчасти.

Тереза. Я его люблю, Гартман. Я согласна быть мертвой рядом с ним. Но вы? Он говорил мне, что вы богаты, у вас не было нужды становиться его импресарио.

Гартман *(тихо).* Я люблю божество, обитающее в его пальцах.

Пауза. Флоран продолжает играть.

Тереза *(вдруг по-детски, из глубины громадного кресла, куда она забилась).* Надо просто не думать, что где-то есть другие люди, которые живут,

мучаются, умирают… Я останусь здесь навсегда. Буду выходить из дому только с ними, буду ездить в их удобных вагонах, жить в их отелях, где такие вежливые хозяева, правда, Гартман?

Гартман *(тихо).* Да, Тереза.

Тереза. Я буду устремлять свой взгляд только туда, куда смотрят они, — на цветы, на драгоценные камни, на добрые лица… И я стану безмятежной и ясной, как они, и ничего больше не буду знать. *(Повторяет, как ребенок, зачарованный сказкой.)* Ничего больше не буду знать, Гартман. Вот, наверное, самое хорошее — ничего не знать.

Гартман. Да, Тереза.

Тереза. Счастье — это увертка хитрецов и ловкачей… Но не бойтесь, я научусь, я тоже научусь.

Гартман *(с некоторой грустью).* Да, Тереза, вы тоже.

Экономка *(поспешно входит).* Мадемуазель… мадемуазель… Приехал ваш отец…

Тереза *(побледнев).* Отец?

Экономка. Да, мадемуазель. Оп такой взволнованный… Приехал с вокзала на такси… Говорит, что ему надо немедленно увидеть мадемуазель.

Гартман. Тереза, я уйду, но если я вам понадоблюсь, не забудьте, что я до поздней ночи сижу в

своей комнате, у окна. *(Уходит.)*

Вбегает взволнованный Тард. Театральным жестом воздевает руки к небу, но осекается, увидев выражение лица Терезы. Экономка уходит. Тард снова повторяет свой жест, но несколько менее аффектированно.

Тереза. Ну говори, в чем дело?

Тард. Это ужасно!

Тереза. Что ужасно? Я запретила тебе являться сюда.

Тард. Говорю тебе, это ужасно. Твоя бедная мать…

Тереза. Что с нею?

Тард. Боже, боже!

Тереза. Да говори же! Она заболела, умерла?

Тард. Почти. Ударилась об угол рояля!

Тереза. И ты явился, чтобы это сообщить?

Тард. Бессердечная дочь! Она ударилась головой и едва не отдала богу душу. А из-за чего? Знаешь ли ты, из-за чего? Перед тобой стоит поруганный муж! У твоей матери был любовник!

Тереза. То есть как?

Тард. Госта.

Тереза. Но ведь ты уже тринадцать лет знаешь об этом!

Тард. Да, я знал, но знал я один! А теперь это знают все. Сцена на глазах у всех, чудовищный скандал во время концерта, безобразная перебранка. И сейчас еще краска стыда заливает щеки твоего отца… Госта ударил ее кулаком… И, конечно, все из-за тебя!.. Слава богу, меня в это время не было! *(После небольшой паузы.)* Когда я вышел из отдельного кабинета…

Тереза. Ты спрятался в отдельном кабинете?

Тард. Почему спрятался? Я случайно находился там. Так вот, когда я вышел из кабинета. Госта уже ушел — опять посреди концерта! — а твою мать привели в чувство. Он будто бы заявил, что убьет твоего жениха, и взял револьвер. Но ты меня знаешь. Я схватил такси. Вскочил в поезд. Потом во второе такси. За первое такси — семнадцать франков, за поезд — восемьдесят. Это был скорый, в нем только первый и второй класс. А такси с вокзала — двадцать пять франков… Оно ждет у дверей… Я так спешил, не захватил ни гроша… *(Для вида ощупывает карманы.)*

Пауза. Тереза не двигается с места.

(*Снова шарит по карманам.)* Счетчик щелкает… Ты не можешь мне дать?.. Мы рассчитаемся…

Тереза *(вдруг кричит).* Ты получишь свои день-

ги! Замолчи хоть на минуту!

Тард *(которому эта мысль не дает покоя).* Но ведь… счетчик включен, дочурка…

Тереза. Ну и пусть.

Тард. Плохо ты встречаешь отца. Ты могла бы хоть спасибо сказать, что я ушел с концерта, чтобы предупредить тебя об опасности. Ты ведь не так уж давно бросила сцену и знаешь, как косо смотрит дирекция на замены… Госту заменили, меня тоже… у твоей матери голова обвязана шарфами и обклеена пластырем… Я ничуть не удивлюсь, если нас выставят и отсюда…

Тереза *(почти умоляя).* Замолчи, замолчи. Я дам тебе столько, сколько ты захочешь.

Тард. Молчу.

Тереза *(после паузы).* Госта очень страдает с тех пор, как я уехала?

Тард. Конченый человек. Пьет без просыпу. Даже твою мать больше не колотил… Ты не представляешь. Да что там!.. Я тебя посмешу: как-то вечером вижу — сидит в уголке и плачет в три ручья над футляром от твоей скрипки… Помнишь, красный сатиновый чехол на ватине, это он подарил ого тебе, когда ты была еще девчонкой.

Тереза. Это правда, папа?

Тард. Чудак! Он два раза дрался из-за тебя.

Первый раз с папашей Лебонзом, в день нашего отъезда, — тот, видишь ли, сбрехнул что-то про тебя. Менаду нами, я очень рад, что Госта ему всыпал. Представляешь, этот негодяй не расплатился с нами. Мы даже подавали на него жалобу… Но это разговор особый… А в другой раз он сцепился с официантом из кафе Руаяль. Помнишь, высокий, чернявый, с такой нагловатой рожей?.. Ну так вот, он спросил у Госты, ухмыляясь, как ты поживаешь… И тут началось! Госта схватил сифон, у того оказался нож. Дело кончилось в полиции. Представляешь, какая молва идет о нашем оркестре!.. А я-то из кожи вон лезу… Ну ладно, после той истории я решил, что уж теперь все поутихнет. Так нет же! Нынче вечером твоя мать, дура этакая, возьми да и скажи ему, что, уж конечно, ты очень счастлива здесь.

Тереза. За это он и ударил ее, папа?

Тард. За это, дочка. Вот уж, что называется, отчаянная голова!

Тереза. Но, в конце концов, чем ему мешает, что я счастлива?

Тард. Вот то-то и оно, девочка! *(С внезапной тревогой.)* Послушай, Тереза, жаль все-таки, счетчик-то щелкает. Может, ты дашь мне…

Тереза *(вдруг кричит с тоской).* Зачем ты при-

ехал все это мне рассказывать, папа?!

Тард. Ты шутишь. Ведь ты моя дочь. А он, в конце концов, мои зять, будущий зять. Не могу же я допустить, чтобы вас перестреляли… Надо немедленно вызвать полицию… Скажу тебе по честному, я предпочел бы, чтобы Госта не знал о моем приезде. Так что если ты мне дашь… Через полчаса как раз отходит поезд… *(Пауза. Невольно добавляет.)* А такси у ворот. Мне даже за вызов не придется платить, я ведь тебе сказал, он не выключил… *(Жестом поясняет, о чем речь.)*

Тереза *(в смятении поднимает голову, она не слушала его).* Что?

Тард *(повторяет с усилием).* Я говорю, что уеду на этом же такси и сэкономлю на вызове, потому что вот уже час, как счетчик щелкает… Конечно, за стоянку — дешевле, и все же…

Тереза *(все еще не слушая, бормочет).* Зачем ты приехал, папа? Ведь это и так не легко — почувствовать себя счастливой…

Тард. Ты чудачка, дитя мое! Я приехал, пренебрегая опасностью и расходами, потому что чувствовал, — это мой долг. Если бы ты могла дать мне семнадцать… плюс восемьдесят… да плюс пятнадцать…

Тереза. На, вот тебе двести франков. И молчи…

Тард. Но ведь еще обратный путь, доченька…

Тереза. На, на, возьми…

Тард. Подожди, теперь ты даешь слишком много! *(Делает вид, что шарит по карманам.)* У меня нет при себе денег. Хочешь, я тебе вышлю свой долг переводом? Значит, я должен тебе… около шестидесяти франков…

Тереза. И он плакал над моим красным чехлом, папа?

Тард *(прыснув).* В три ручья, дочурка, в три ручья! *(Видя, что Тереза не смеется, поправляется.)* Просто как безумный. *(Снова с тревогой.)* И этот безумец будет здесь через пять минут. Ты ведь знаешь, в наше время да еще с этим автоматическим оружием, раз, два, и готово, трупом больше — велика ли беда. Тут и дочь, а заодно и отец и мать… Уверяю тебя, ты должна решиться… *(Вынимая часы.)* Если бы я не боялся опоздать на поезд…

Тереза *(шепчет).* Госта тоже едет сюда, папа. Все персонажи моего прошлого один за другим явятся сюда, чтобы вернуть меня.

Тард. Я надеюсь, дитя мое, что, явившись сюда, он встретит двух жандармов, которые живо его сцапают! Сначала слезы проливает — тоже курам на смех, но это еще куда ни шло. Но драки, и этот

отъезд с револьвером… Что он о себе воображает, этот субъект?

Тереза. Правда, папа, что он о себе воображает, что вы все о себе воображаете?

Тард. Он любовник твоей матери. Ладно. Пусть устраивает ей сцены, если уж ему приспичило!.. Но тебе, моя крошка! Преследовать тебя в доме твоего жениха… Да еще в тот вечер, когда ты примеряешь свое подвенечное платье, белоснежное и непорочное… Ах, какое платье! Но знаешь, я уж и сам начинаю сомневаться!.. Ты уверена, что никогда не спала с Гостой?

Тереза *(улыбаясь против воли).* Уверена, папа. Я за все время не сказала ему двух ласковых слов.

Тард. Тогда на что он надеется? Даже если он поднимет здесь пальбу, попадет он или нет в твоего жениха, чего он добьется? Какой ему от этого прок?

Тереза. А тот, что он потеряет меня безвозвратно, папа. И сам дойдет до предела отчаяния. Все вы этого не понимаете, — но на самом краю отчаяния есть светлая опушка, и там чувствуешь себя почти счастливым.

Тард. Странное счастье!

Тереза. Да, папа, странное счастье, и оно не имеет ничего общего со счастьем, как его пони-

маете вы. Жуткое счастье. Грязное, постыдное счастье. *(Вдруг кричит и в страхе цепляется за него.)* Но я не хочу, не хочу больше такого счастья! Я хочу, я тоже хочу быть счастливой! Хочу быть счастливой, как другие! Не хочу больше ничего знать о вас…

Экономка *(входя).* Мадемуазель, вас спрашивает еще какой-то господин.

Тард *(с воплем).* Какой господин? Какой господин, черт его возьми! Как его имя?

Госта *(входя).* Это я, Тереза.

Тереза *(экономке).* Оставьте нас.

Экономка уходит.

Госта *(глухо, не двигаясь с места).* Где твой жених? Мне надо с ним поговорить… *(Делает шаг вперед.)*

Тард *(отступает и вопит, подняв руки кверху).* Ой, нет, только не меня! Я ни при чем, Госта, я ни при чем! Я здесь случайно, совершенно случайно. *(Хочет крикнуть, но голос его срывается.)* На помощь!

Госта. Заткнись! Слышишь!

Тард *(прячась за спину Терезы).* Да-да, Госта. Я заткнусь, заткнусь… Ты прав, я заткнусь. Я тут ни при чем. Мне что — я молчок, и все тут.

Госта. Где твой жених?

Тереза. Вынь руку из кармана, Госта.

Госта. Где твой жених? Мне надо с ним поговорить.

Тереза. Вынь руку из кармана, слышишь? Я приказываю тебе — вынь руку из кармана!

Тард *(забившись в угол).* Вот именно, пусть вынет руку из кармана!

Госта. Где твой жених, Тереза? Ты поняла: мне надо с ним поговорить.

Тереза *(борется с ним).* Вынь руку из кармана, я требую. Вынь руку из кармана и отдай это мне.

Тард *(издали).* Осторожней, дочка, осторожней!

Госта *(пытаясь ее оттолкнуть).* Уйди, Тереза.

Тереза *(продолжая бороться).* Отдай… Нет, ты отдашь.

Госта. Господи, да уйди же…

Тереза. Не сопротивляйся, ты меня поранишь… Отдай, Госта, или я разряжу его себе в грудь… Ты ведь этого добиваешься? Этого? *(Вырывает у него револьвер.)*

Тард. Уф!

Тереза. А теперь посмотри мне в глаза.

Госта *(опустив голову).* Нет.

Тереза *(непреклонно).* Посмотри мне в глаза, Госта!

Госта *(поднимая голову).* Ну?
Тереза. Ты хотел его убить?
Госта. Да.
Тереза. За что?

Пауза. Госта отводит глаза.

Отвечай. За что?
Госта. Не знаю.
Тард *(вспылив, он уже больше не боится).* Нет, как вам это нравится! Не знает! А ну-ка, дай мне эту пушку, девочка, дай мне ее сюда…

Снова пауза.

Госта *(вдруг бормочет).* Я негодяй, Тереза, я не должен был приходить сюда. Позови своего жениха, пусть он выгонит меня за дверь пинком в зад. Другого я не стою.
Тереза *(жестко).* Он не должен знать, что кто-то вообразил, будто имеет на меня такие права, что может являться сюда и устраивать мне сцену. Убирайся отсюда сам.
Госта. Ты права. Я не стою даже пинка.
Тереза *(тихо).* Я не люблю тебя, Госта. Я никогда не любила тебя. Если бы даже я не встретила его, я все равно никогда не полюбила бы тебя. Ты подумал об этом, когда ехал сюда?

Госта. Подумал.

Тереза. И все-таки поехал?

Госта. Я полчаса стоял перед решеткой сада, не решаясь войти…

Тереза. Зачем же ты вошел? Я не хочу тебя видеть. Я счастлива здесь, понимаешь? Я счастлива, и я его люблю. Что мне до твоих мук и твоей нищеты. Я люблю его, слышишь, люблю!.. Зачем ты пришел сюда и тычешь нам в глаза своим несчастьем? И вообще как ты смеешь улыбаться, когда я говорю тебе, что люблю его и что я счастлива? Ты уродлив, Госта, ты стар, ты ленив. Ты всегда твердил, что мог бы играть лучше других, и никогда ничего не делал…

Госта *(пристально глядя на нее).* Да, Тереза.

Тереза. Ты пьешь, потому что, когда ты пьян, тебе кажется, что ты на что-то способен, и все твои деньги уходят на выпивку. У тебя не осталось даже приличного костюма, но ты и этим гордишься, воображаешь, что засаленный пиджак с продранными локтями — это рубище гения… Если уж ты такой мужественный и сильный, как воображаешь, не лучше ли начать с того, чтобы бросить пить и купить себе ботинки…

Тард. Доченька, доченька, но доводи его до крайности.

Тереза. Когда ты сидишь за роялем, твои пальцы трясутся, и ты все чаще мажешь, ведь правда? Лучше бы ты доказал свою любовь, свою великую любовь к музыке — бросил пить и работал бы изо дня в день.

Госта *(по-прежнему глядя на нее).* Да, Тереза.

Тереза. А если ты хотел доказать свою любовь ко мне, то тебе тоже не следовало приходить. Ты взял револьвер и отправился сюда, вообразив себя поборником справедливости... А знаешь, что она такое — твоя справедливость? Если ты сам не понял, я тебе объясню: это ненависть. Ненависть неудачника ко всем, кто красивее и счастливее тебя.

Госта *(с внезапным воплем).* Неправда, Тереза!

Тереза. Правда. *(Тоже кричит.)* Ты думаешь, я не знаю, что у тебя на уме? Я знаю все твои мысли, знаю их лучше, чем ты, Госта!

Пауза. Госта опускает голову.

(*Продолжает тише, странным хриплым голосом.)* Какая гордыня, какое чудовищное тщеславие! Я готова сострадать тебе, жалеть тебя, но если ты воображаешь, что наша нищета, невезение, убожество доказывают наше превосходство, — ты ошибаешься.

Госта *(глухо).* И это говоришь ты, Тереза?

Тереза. Да, я. Я. Что тебе еще от меня надо, говори?

Госта. Ничего, Тереза. Ты права.

Тереза. Тогда убирайся. Убирайтесь оба, Я хочу быть счастливой и забыть о вас. Вы несчастны, но что мне до этого! Мне повезло — и точка! Вы безобразные, грязные, и мысли у вас тоже грязные, и богачи правы, что на улице обходят вас стороной... Убирайтесь, сейчас же убирайтесь, чтобы глаза мои вас не видели... *(Выкрикнув все это, вдруг разражается рыданьями и стонами.)* Да убирайтесь же! Вы же видите, я больше не в силах мучиться из-за вас. *(Опускается на. пол и рыдает как ребенок.)*

Мужчины растерянно смотрят на нее, уронив руки, не смея ничего предпринять. Музыка, которая было умолкла, теперь возобновилась. Госта долго прислушивается. Рыдания Терезы заглохли. Тард тоже слушает, ссутулившись.

Госта *(спустя несколько мгновений, обернувшись).* Кто это играет?

Тереза *(тихо).* Он.

Госта *(после паузы).* И музыка его?

Тереза. Да, его.

Госта *(помолчав, снова).* Как это у него получается?

Тереза. Он все так делает, Госта: без усилий, не зная неудач, не переделывая заново, не страдая.

Снова молчание, музыка обволакивает их.

Госта. Как это ему удается, Тереза? А я пробую, ищу, начинаю сначала, и ничего у меня не выходит.

Снова пауза, наполненная музыкой.

(*Наконец делает движение — подходит к Терезе.)* Забудь нас, девочка… Теперь я понял, мы не должны были соваться сюда с нашими грязными харями… Но тебе уже недолго терпеть… Сейчас мы выйдем в сад, ты увидишь, как мы пройдем по освещенной дорожке и канем в ночь. И конец. Мы умрем, и ты заживешь наконец спокойно…

Они снова слушают музыку, которая звучит громче.

(*Наконец, вырвавшись из-под ее очарования, идет к двери.)* Когда-нибудь, позже… если к слову придется… ты ему скажи, Тереза, что я приехал убить его и ушел.

Тард *(следует за ним, вдруг постаревший,*

одряхлевший, жалкий). И скажи ему, дочурка, что я обдумал все насчет этих денег и постараюсь ему вернуть, хотя бы часть…

Старшая мастерица и ее помощницы возвращаются с платьем.

(*Увидев их, берет Госту под руку.)* Пошли. Не надо, чтобы нас видели. *(Увлекает Госту за собой.)*

Оба исчезают.

Старшая мастерица *(оживленная, шумная, болтливая).* Вот и мы. Я заставила вас ждать, мадемуазель. Извините. Сейчас мы скоренько примерим накидку, чтобы вы могли судить об общем впечатлении… Без накидки туалет не смотрится. *(Мастерице.)* А ну-ка, помоги мне… *(Принимается за дело.)* Представляю, какая это будет великолепная церемония…

Тереза *(с этой минуты отвечает, как сомнамбула).* Да, великолепная.

Старшая мастерица. А в каких туалетах будут подружки?

Тереза. В розовых.

Старшая мастерица. Ах, господин Лаперуз был просто в отчаянии, что их туалеты заказали не ему… У него была прелестная мысль. Но он,

конечно, понял щепетильность мадемуазель Франс. Подружек шесть?

Тереза. Да, шесть.

Старшая мастерица. Очаровательно… Право, в этих маленьких церквушках такие церемонии приобретают совершенно особый, воистину изысканный стиль. Шлейф, конечно, понесут дети? В наше время это очень принято.

Тереза. Четверо детей…'

Старшая мастерица. Прелестно! И потом цветы, музыка. А после свадьбы вам, конечно, предстоит прекрасное, увлекательное путешествие? Ах, простите, я так бесцеремонно расспрашиваю…

Тереза. В Швейцарию и в Италию.

Старшая мастерица. В Швейцарию и в Италию. Ну что ж, традиционный маршрут, но, пожалуй, самый прекрасный. Какое неслыханное счастье!..

Тереза *(тихо повторяет).* Да, какое неслыханное счастье… *(Вдруг, задрожав, выскальзывает из рук мастериц.)* Послушайте, оставьте меня па минутку… Пожалуйста. Оставьте меня одну.

Старшая мастерица *(озадаченная, встает).* Но, мадемуазель…

Тереза. Оставьте меня, пожалуйста, оставьте…

Платье сидит прекрасно… Оставьте меня…

Старшая мастерица. Но, мадемуазель, мы не кончили примерку, а поезд отходит через полчаса…

Тереза. Я вас уверяю, платье сидит прекрасно… и вообще это не важно… Поднимитесь, пожалуйста, в бельевую, я тоже сейчас туда приду… Я приду, обещаю вам, я тоже приду за вами следом… и сделаю все, что вы захотите… Только оставьте меня… оставьте меня на несколько минут.

Старшая мастерица *(задетая).* Как вам угодно, мадемуазель. Мы закончим примерку наверху… *(Вымещая досаду на ученице.)* Ну, живо, собирай булавки! Ты что зеваешь, хочешь, чтобы из-за тебя мы на поезд опоздали?

Они уходят. Пауза. Тереза снимает подвенечную фату и быстро выходит. Музыка обрывается. Через несколько мгновений появляется Флоран.

Флоран. С кем ты разговаривала, Тереза? *(Не видя ее, заглядывает за кулисы.)*

Когда он возвращается, входит Тереза в пальто, без шляпы. В руках у нее белое подвенечное платье, она кладет его на кресло.

Я искал тебя… Куда ты, дорогая?

Тереза. Мне захотелось выйти на минуту в парк.

Флоран. А зачем пальто? Ведь сейчас жарко…

Тереза *(тихо).* Меня что-то знобит.

Флоран *(привлекая ее к себе).* Знаешь, сегодня днем мы с Гартманом составили подробный маршрут нашей поездки. Представляешь, это было нелегко. Мне хотелось показать тебе все свои любимые места… Мы бы их за всю жизнь не объехали… Но все же есть одна скала на берегу озера в Люцерне, куда мы обязательно придем с тобой вдвоем и будем вместе ждать восхода солнца… И еще есть портрет итальянской герцогини эпохи Возрождения, она похожа на тебя. Мы непременно должны вместе увидеть ее в галерее Уффици…

Тереза. Да, дорогой…

Флоран. Знаешь, я так счастлив нынче вечером… Мне так хорошо… А тебе?

Тереза *(улыбаясь через силу).* И мне, дорогой. Ты работал?

Флоран. Ты слышала? Анданте идет легко…

Тереза. Поиграй еще, дорогой, прошу тебя…

Флоран. А ты будешь слушать из сада?

Тереза. Да, дорогой, иди же играй… Тебе ведь самому до смерти этого хочется, я по глазам вижу.

Флоран *(на лету целуя ее, исчезает).* Ты понимаешь, так легко идет… Я счастлив…

Тереза. Да, дорогой. *(После его ухода несколько мгновений стоит неподвижно, потом негромко.)* Понимаешь, Флоран, сколько ни хитри и ни закрывай глаза… На свете всегда найдется бездомная собачонка, которая помешает мне быть счастливой…

Музыка за сценой звучит снова.

(*Ласково проводит рукой по белому платью, потом быстро ее отнимает. Повернувшись лицом к, гостиной, где играет Флоран, шепчет, словно ей еще много надо ему сказать.)* Понимаешь… *(Но вдруг резко поворачивается и исчезает во тьме.)*

На сцене только роскошное подвенечное платье, сияющее ослепительной белизной в темноте. На верхних ступенях лестницы незаметно появляется Гартман. Он безмолвно наблюдает за уходом Терезы. Пауза.

Гартман *(сквозь стекло провожает ее взглядом во мраке парка. Наконец шепчет).* Она знает все, что ее ждет, и уходит, хрупкая и решительная, мыкать горе по белу свету… Музыка за сценой звучит все более мощно.

Занавес